

Анзор Апшев

16+

Затворник, или Вынужденное правосудие

Анзор Апшев

**Затворник, или
Вынужденное правосудие**

«Автор»

2009

Апшев А. Х.

Затворник, или Вынужденное правосудие / А. Х. Апшев —
«Автор», 2009

«Затворник» - роман в лучших традициях приключенческого жанра, приправленный элементами мистики. На его страницах разворачиваются события, повествующие о вечной борьбе добра и зла. Перед книголюбями предстанет череда головокружительным образом сменяющихся друг друга эпизодов из жизни героев произведения. Даются прекрасные описания природы Приморского края. Упор делается на здоровый образ жизни и совершенствование личностных качеств через философию боевых искусств. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Апшев А. Х., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Вступление	5
День как день	8
Тандем	17
Заговор	23
Клевета	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анзор Апшев

Затворник, или Вынужденное правосудие

Вступление

5:17 утра пятницы 17 июня 2039 года. Ночь уступала свои полномочия зарождавшемуся дню. Ночная темень стала исчезать, мало-помалу переходя в разгорающийся рассвет. На горизонте, на фоне гор, голубоватое, безоблачное небо начинало окрашиваться ярким цветным спектром. Ярко-красный, алый, лиловый – его оттенки восхищали своей явью и радовали глаз. Удивительная игра красок оповещала о восходящем Солнце.

Наступил миг предрассветной тишины, когда ночные шорохи затихают, а звуки дня еще не заиграли. Природа пробуждалась ото сна всем своим разнообразием и дивом.

Величественные горы и холмы Сихотэ-Алиня будто выстраивались в ряд, отряхивая с себя расступавшуюся мглу, гордо возвышаясь над тайгой.

Лес, казалось, зашевелился. Все разнообразие кустарников и деревьев словно потянулось к Солнцу, покачивая своими кудрявыми макушками. Подобное разнообразие растительного мира и обширная гамма оттенков зеленого цвета невольно навевало мысль о таинствах, происходящих в укромных его уголках. За внешнее сходство лесов Приморья с тропическими их называли «джунглями умеренного пояса».

Просыпался и животный мир этих «джунглей», ворочаясь и высвобождаясь из сетей сна. Зашуршали насекомые. Засновали, суется, туда-сюда птицы. Немного погодя, тайгу огласило их залиvistое пение. Складывалось впечатление, что и река Уссури потекла с большим энтузиазмом.

«Вскоре эта волна пробуждения нахлынет и на город», – подумал молодой парень, находившийся в данный момент в лесу. На нем была лишь одна набедренная повязка. Он стоял, широко раскинув руки и задрал лохматую голову наверх, вдыхая могучей грудью чистый свежий воздух и слушая нарастающий гул дикой природы. «Ради подобных восхитительных мгновений стоит жить», – проговорил тихо парень, окидывая взглядом крону деревьев, их неприхотливый завораживающий узор. Он был впервые за последнее время счастлив.

За письменным столом на своем рабочем месте сидел коренастый, крепкого телосложения, среднего роста, мужчина лет сорока пяти. Его темные и взлохмаченные волосы ниспадали на округлое с правильными чертами лицо. Прямой нос и полные губы выдавали его неусидчивость и стремление к действиям. Двухдневная щетина и узкие, со сверлящим взглядом, красные глаза указывали на усталость. Одет он был, как положено каждому Миротворцу, в бежевую легкую рубашку, синие прочно сотканые брюки и черные туфли фирмы «Саламандра». Такого же синего цвета пиджак, с соответствующими его званию погонами на плечах, и темный изящный галстук висели на спинке стоящего рядом стула.

Мужчина, бодрствующий в столь ранний час, был ни кем иным как инспектором бригады Миротворцев – Виктором Михайловым. Откинувшись на спинку стула, упершись ладонями в край стола, он сидел неподвижно. Его глаза были устремлены в темный угол обширного помещения, куда не добирались лучи настольной лампы, размещавшейся на левом крае его стола. И лишь объемная грудь вздымалась и опускалась в такт ровному дыханию.

Виктор мысленно вернулся в недалекое прошлое – в 2017 год. В то время люди хотели верить, что добрые помыслы и мечты все же сбываются. 27 октября того года было закончено

возведение небольшого особенного города. С ним связывались большие надежды. Это было одно из тех решений правительства, которое считалось действительно безупречным. Благодаря представителям власти Приморского края был осуществлен первый шаг на пути к светлому будущему, в сложившихся обстоятельствах. Люди, наконец, осознали, что они своей неразумной деятельностью уничтожают Природу, а вместе с ней и себя. Природу, с которой человечество было неразрывно связано в течение своего становления. И вот был построен городок на лоне природы.

Название ему дали подходящее, без долгих раздумий, – Мечта. Именно, мечта воплотилась в Мечту! На севере ее окаймляла река Уссури, протекавшая с восточной стороны через тайгу, от самых гор. На юге городок граничил также с лесным массивом, переходящим в холмистую равнину. С западной стороны простирались бескрайние долины, кое-где пересекаемые лесной цепью, деревья которой разрослись до самого озера Ханка. План местности был выбран замечательным образом!

Мечта содержала в себе необходимые и достаточные условия для процветания. Здесь имелись: затрагивающие все приемлемые интересы людей учреждения. Но кроме заводов, фабрик и других департаментов, экологически вредных как для здоровья жителей, так и для целостности и чистоты окружающей среды.

До 2032 года город оправдывал возложенные на него надежды, внушая доверие. В его пределах текла размеренная, тихая жизнь умиротворенных благополучием жителей. Мечта распахнула двери для проживания людям разных национальностей, рас и вероисповедания. Отсутствовали какие-либо предрассудки и амбиции.

Но, не смотря на все приемлемые условия, этот чистый уголок впитал-таки грязные помыслы. К сожалению, людям свойственно ошибаться. Безупречных людей нет, как нет идеального мира. Реальность не бывает даже приближенной к идеалу. Самая что ни есть утопия.

С 2035 года и вовсе все пошло наперекосяк. Городок поглотила сопутствующая людям коррупция, мошенничество, разбой. Нарушения закона в разных сферах деятельности стали душить своей сетью удавок очередные проблески праведности и моральной чистоты.

Виктор Михайлов никак не мог понять, чего еще не хватало этим жителям, что они ступили на путь преступности. Ведь есть же места для работы. Не устраивает? Пожалуйста, на полях выращивают рис, сою, развито огородничество, садоводство. И это не подходит? Так имеются же в городе несколько точек для занятий на досуге, великолепный Дворец спорта, наконец!

Но, как известно, пути Господни неисповедимы. Инспектору ничего не оставалось делать, как искать ответы на свои вопросы самому. Собственно этим он и занимался, находясь в девятиэтажном, белом, прямоугольном здании, на входной двери которого висела красивая табличка с надписью: «ОМОПП – Организация Миротворцев по Охране Правопорядка». Так теперь называлась Полиция. Это здание, как и все главные учреждения, находилось в центре Мечты. «Мечты, которой, по-видимому, не суждено было осуществиться», – подумал Виктор.

Весь первый этаж занимал Участок Миротворцев (полицейских). Отгороженные стеклом кабинеты были погружены во мрак. Лишь в одном из них мерцала тусклая лампочка на столе Михайлова. Он решил просмотреть досье, имевшиеся на каждого гражданина, досье тех, кто поселился здесь с 2032 года; чтобы попытаться вычислить носителей вируса «нечисти». Это оказалось неблагодарным и кропотливым занятием, из-за которого ему приходилось работать и в нерабочее время. Что он сейчас и делал.

Он опять присидел на своем рабочем месте всю ночь. Перечитывал груду бумаги, и делал пометки в своем потрепанном единомышленнике-блокноте. Случайно Михайлову попала под руки папка на семью Старковых. Она не относилась к числу тех документов, которые он пересматривал. Так как супруги Старковы поселились в городке в числе первых, после его основания. Они к тому времени как раз и поженились.

Виктор не мог отложить данную папку, не прочитав ее в очередной раз. Эта семья, вместе с родившимся у них сыном, действительно была прекрасна во всех отношениях: в житейском плане, в наличии культурных, моральных и духовных ценностей. И надо же было такому случиться – именно их постигло несчастье. Перед глазами инспектора, на столе, лежало раскрытое любительское досье на их несчастного сына – Андрея Старкова.

Лишь когда первые лучи Солнца стали проникать сквозь окна в помещение, рассеивая сумрак, вернулся к действительности Виктор Михайлов. Выключив настольную лампу, он встряхнул головой, словно отгоняя нахлынувшие и поглотившие его тревожные воспоминания. Подняв руки и сладостно потянувшись, хрустя осевшим позвоночником, инспектор решил дочитать досье и закончить на сегодня с бумагами.

«Виктор Михайлов об Андрее Старкове:

Дата рождения – 01.09.2018 г.

Место рождения – РФ, Дальний Восток, Приморский край, Мечта.

Национальность – русский.

Рост – 178 см, вес – 85 кг, (данные на январь 2039 г.).

Брюнет с начавшейся с 17 лет проседью, после смерти родителей.

Темперамент – Флегматик-Меланхолик (интроверт).

Характер – волевой, но покладистый.

Особенности поведения: человек Востока. Преданность религиозной философии и системе психофизического тренинга Востока. Уважителен, скромн, добр, словом – воспитанный человек. Дитя природы, уважающий ее в любой ипостаси. Затворник, неразговорчив, мало показывается в городе. Помешан на чтении книг и занятиях спортом.

С 17 лет и по сей день не может оправиться от потрясения».

Завершив чтение, инспектор закурил сигарету «Наша марка», единственную марку сигарет, которую он употреблял. Сделав глубокую затяжку, он стал вспоминать события четырехлетней давности. Тогда Андрей испытал страшное горе, его психике был нанесен сокрушительный удар судьбой. Весной 2035 года, в тот злосчастный день, он вернулся домой с учебы в школе и обнаружил: перевернутые вверх дном комнаты, сломанную мебель и выбитые окна. Родители оказались мертвыми. Экспертиза показала – разрывы сердец от чудовищного потрясения. За отсутствием состава преступления, свидетелей и подозреваемых через несколько месяцев дело было закрыто. Закрыто, но не для Виктора, который пытался раскрыть его для себя, для успокоения своей совести.

Докурив сигарету, отправив окурки в корзину для мусора, находившуюся под правым краем стола, Михайлов бросил взгляд на фотографию Старкова. «Надо будет навестить парня», – подумал он, убирая папку в нижний ящик своего стола.

Подойдя к окну, инспектор обнаружил, что рассвет уже вступил в свои права, и скоро городок закипит своей обыкновенной жизнью. И здание Миротворцев вновь вольется в прежнее русло рутинной работы. «Не плохо бы отведать кофейку для бодрости», – мысленно отметил он, направляясь к раковине в уборной. Часы показывали 5:32 утра.

День как день

Уже почти год как в Мечте появился загадочный герой, чья доблесть и отвага не знали границ, который творил чудеса в своем стремлении помочь людям. Этот человек появлялся, будто из-под земли, в тот момент, когда кому-либо была необходима помощь, и исчезал с глаз долой неизвестно куда. Благодаря его альтруистическому началу было предотвращено на улицах городка множество несчастных случаев, разрушений и ситуаций, которые могли кончиться летальным исходом.

Люди, имеющие честь жить в этом городе, наглым и совершенно нескрываемым образом притеснялись богатыми и зажиточными, власть имущими субъектами. Такая ситуация встречается всюду. Люди, начиная выделяться из общей серой массы простых смертных, приобретают так называемую «звездную болезнь». У них появляется мысль, что они могут стоять выше закона, им все дозволено. Не мудрено, ведь всегда можно откупиться той или иной суммой хрустящих бумажек, не неся наказания за свои противозаконные действия. Ведь закон писан, как они думают, для обывателя, для бедного трудяги, кое-как сводящего концы с концами. Этот трудяга никогда и не ропщет на судьбу и выпадающие на его долю напасти, у него и времени на это не хватает. И что обиднее всего, так это то, что служители закона никоим образом не задумываются над этим. А если и бывают у них проблески совести, так они тут же гонят их прочь. Но в строю Миротворцев, не смотря ни на что, были все же достойные блюстители порядка.

Вот именно для подобных Миротворцев объявился настоящий помощник, вносивший свою посильную лепту в их нелегкую работу, в последнее время навалившуюся на них особенно ощутимо. Многим хотелось узнать героя ближе, поговорить с ним, поблагодарить, наконец. Но «ангел-хранитель» был неразговорчив, неуловим и бескорыстен. Выполнив свою нелегкую работу, долго не раздумывая, он поспешно исчезал от восторженных взглядов очевидцев.

Никто даже не представлял, как выглядит из себя этот человек, и где он обитает. Горожане окрестили его разными прозвищами, не имея возможности узнать его истинное имя. Незнакомец успешно скрывал свою личность под зеленой монашеской рясой, вследствие чего он становился еще загадочнее, таинственнее. Более наблюдательные могли заметить лишь черное облегающее трико, да темную матерчатую маску на лице героя, скрывавшую его лик под зеленым капюшоном. Данная маскировка рождала в среде горожан множество различных криво толков.

Зеленый монах, Дикарь, Спаситель – каких только названий не придумали жители города для своего героя. Но наиболее распространенным, прижившимся и особенно часто употребляемым в народе было прозвище «Затворник». Тут подразумевалась его необщительность, скрытый, вероятно, одинокий образ жизни. Общество и не подозревало, насколько точно охарактеризовало данного человека.

Жители Мечты удивлялись умению Затворника объявляться в тех местах, где назревала чрезвычайная ситуация. Вот, к примеру, в это утро рабочий день только начался, а уже в нескольких районах города видели Зеленого монаха, оказавшего своевременную помощь в свойственной только ему манере. Он предотвратил взрыв ресторана, в котором произошла утечка газа, доставил в ветлечебницу котенка с перебитыми задними конечностями, обезвредил изрядно выпившую группу молодых людей, учинивших разбой на одной из улочек города.

Зачастую Миротворцам оставалось лишь погрузить нарушителей в автомобили, провожая взглядами удалявшегося коллегу. Они бросали ему вслед мысленно слова благодарности за помощь в столь напряженные утренние часы. Многие, но далеко не все, боготворили Затворника.

Виктор Михайлов направлялся к Андрею Старкову, жившему на восточной окраине города. Необъятная тайга почти вплотную подходила к его дому. Должно быть прекрасно выйти утром на крыльцо и окинуть взглядом лесной массив и внушающие благоговение горы! Инспектор часто навещал парня, наблюдая за тем, чтобы он совсем не раскис после смерти родителей. Инспектор был уверен, что то больше была не смерть, а убийство. Но, чтобы утверждать об этом, ему необходимы были доказательства, которых у него пока не имелось. Вследствие данных посещений между ними сложились дружеские взаимоотношения.

Виктора одолевали мрачные думы из-за не доведенного им до финального конца начатого расследования зловещего, безжалостного убийства супругов Старковых. Перевернутый вверх дном дом, погром, смерть двух здоровых людей от остановки сердец – никак не указывали на несчастный случай. И верить в этот вердикт мог лишь глупец.

Михайлов ехал через паутину улиц города, направляясь к ее окраине, на своей старенькой белой «Ниве 4×4». В какой уже раз он вспоминал добрым словом родителей Андрея. Старков старший являлся депутатом «Партии зеленых», его жена – членом организации по охране окружающей среды. Они ничем противозаконным не занимались, дурного не замыслили. Наоборот, прилагали все усилия, чтобы сохранить пригодным для жизни подрастающего поколения этот цветущий клочок Приморья.

И без того трудное положение России, с возросшей коррупцией, преступностью и разрухой, усугубляли нападки Америки, Англии и союзных с ними держав. Неужели не осталось ничего святого, что за жизнь достойных людей не дадут и ломаного гроша?! И к чему это привело? Андрей Старков потерял вкус к жизни, стал ко всему безразличен, перестал появляться на людях. На плаву ему остаться удалось благодаря строгой дисциплине. Парень в течение последующих трех лет дни напролет занимался Боевыми искусствами, медитировал, самосовершенствовался, тренируясь по 6-8 часов в день. Большую часть своего времени он проводил в лесу, в горах. Сливаясь с Природой, переняв от родителей любовь к братьям нашим меньшим, он стал обретать постепенно покой. И к 21 году своего существования стал чаще улыбаться, вновь ощутил тягу к бытию, приобрел желание прожить свой век с пользой для общества. Старков не вдавался в подробности, но уверял инспектора, что он поработал над собой и жизнь продолжается.

Спустя 15 минут Михайлов подъехал к последнему дому на краю улицы, расположившемуся в нескольких десятках метрах от сочной зеленой стены леса. Это был обыкновенный средний дом с крышей из красной черепицы, Выстроенный из белого кирпича с фундаментом, окрашенным в черный цвет. Войдя внутрь, бросалось в глаза убранство обставленных со вкусом простенькой мебелью комнат. Прихожая, кухня, ванная, две спальных комнаты, зал, комната для гостей и небольшое помещение, оборудованное под спортзал, гармонировали между собой. Комнатные растения, спокойные светлые тона и тишина в доме располагали к себе каждого гостя.

Виктор обошел все комнаты, нигде не обнаружив хозяина дома. Окликнув Андрея несколько раз, и убедившись, что его нет, он направился к выходу. «Жаль, что я не застал парня дома. Это я неудачно заехал», – подумал он, находясь еще в прихожей. Тут инспектор услышал знакомый ему до боли треск рации, находившейся в машине. Закрыв плотно дверь, он подбежал к автомобилю.

– Повторяю: ограбление ювелирного магазина на Восьмой улице, всем патрульным поверить! – надрывался голос диспетчера из рации.

Спустя мгновение Виктор несся к указанному месту преступления. «И вообще, чем сейчас занимается этот парень? Надо бы поговорить с ним по душам», – наметил он. Через

несколько минут он вдавил ногой педаль тормоза и крышки его автомобиля жалобно завизжали перед толпой зевак, столпившихся у разбитой витрины магазина. Пробираясь сквозь них, инспектор краем уха уловил несколько фраз: «Зеленый Монах... Снова в деле...». Выбравшись из толпы, он обнаружил печальное зрелище. Множество разбросанных ювелирных ценностей на тротуаре и троих преступников. Разбитые напрочь, они, распластавшись на асфальте, стоили от нанесенных травм.

Посмотрев вверх, куда были обращены взгляды собравшихся людей, Миротворец увидел стоявшего на крыше здания, на первом этаже которого размещался ювелирный магазин, Затворника. Этот субъект в зеленом балахоне часто покидал зевак через внутренние лестницы, скрывая свой след на крышах домов. Не удивительно, так как на земле его поджидали журналисты, корреспонденты, обыватели, пытавшиеся сделать себе имя, преследуя его и желая раскрыть тайну «ангела-хранителя» города.

На мгновение, обратив свой невидимый взор на Михайлова, он исчез из виду. Виктор ощутил на себе его волевой, бесстрашный и пронизывающий взгляд. Ему стало не по себе, словно мелькнувший на крыше и не человек вовсе, а некое мистическое существо. Оставив все находившееся на тротуаре на попечение прибывших Миротворцев, он направился к машине. Люди расходились, обсуждая между собой подвиги загадочного героя.

Виктор Михайлов вернулся в участок в 10:43. Ему необходимо было разобраться в себе и мыслях, обуревавших его.

Стоял полдень. Солнце находилось в зените. На фоне голубого безоблачного неба мелькали птицы, насекомые, стрекоца, петлял над городом вертолет ОКБ им. Миля Ми-2, патрулируя территорию. Солнечные блики, отражавшиеся от его стекол, слепили глаза. Жизнь городка бурлила в самом разгаре. Это лето выдалось знойным, и каждый человек, каждое животное, ощущали на себе действие этой жары. Казалось, только величественные деревья не обращали на температуру внимания. Словно великаны с кудрявыми головами, они, склонившись над землей, спасали многих в своей прохладной тени.

Виктор Михайлов сидел в кабинете комиссара Вениамина Ливакова. Ему приходилось выслушивать бессвязную речь предводителя Миротворцев.

– Я вызвал тебя вот по какому поводу, сотрудник, – говорил он. – Мне совсем не нравится, что нашу работу выполняет какой-то проходимец; в то время как кое-кто, кому за это платят деньги, занимается черт знает чем! Ты ударился в чтение всяких бесполезных папок и документов, потратил на это несколько недель кряду, сотрудник, а все так же сидишь в вонючей куче, никак из нее не выбравшись. А сколько ночей ты проводишь в этом участке, тратишь электричество и ничего путного не делаешь для обеспечения безопасности данного населенного пункта. И знаешь, что я хочу тебе сказать, а, сотрудник?..

Инспектор понял, что ничего стоящего от него не услышит. С безучастным видом, смотря на комиссара, он улыбнулся своим мыслям. Виктор и Вениамин Ливаков недолюбливали друг друга, и при каждом удобном случае комиссар, пользуясь своим превосходством в звании, отрывался на нем. Вот и сейчас Ливаков, распаяя самого себя своими же словами, демонстрировал свою неприязнь к Михайлову.

Вениамин был светловолосый, высокого роста, широкоплечий мужчина 30-35 лет. Вытянутое сухощавое и скуластое лицо, светлые глаза, длинный заостренный нос, торчащие уши и тонкие губы делали его похожим на упыря. Его направили в Мечту семь лет назад. Всегда чисто выбритый, опрятный, одевающийся как говорится с иголочки, он производил хорошее впечатление на людей. Но Виктору не нравилась мрачная личность и двуличная натура Ливакова, с излишне развязным, для человека с его положением, поведением. А его излюбленное

слово «сотрудник», впихиваемое, им, куда только возможно, окончательно добивало инспектора. Но Михайлов всегда держал себя в рамках приличия, считая, что людям его возраста не пристало вступать в конфликты по мелочам.

Когда инспектор снова прислушался к разозлившему себя до бешенства комиссару, то обнаружил, что того понесло уже совсем в другую сферу деятельности:

– В то время, как Россию растерзали гражданские войны, люди гибнут просто так, – ревел Вениамин Ливаков, брызгая слюной, – ты здесь прохлаждаешься и протираешь штаны дни и ночи напролет! Это ведь...

– Извини, что я вклиниваюсь в твои разглагольствования, но ты, я вижу, не прекратишь свой монолог до конца рабочего дня, – прервал его Виктор, у которого терпение было на пределе. – Скоро начнется обеденный перерыв и я просто уверен, что ты не оставишь меня голодным. Объясни мне, зачем ты меня вызвал к себе. Надеюсь не затем, чтобы прочитать лекцию о современных катаклизмах государства российского. Но прежде, ты теперь выслушай меня, – он сделал небольшую паузу, тем самым, придавая важный смысл последующим словам. – Первое. Сколько, когда я работаю и как я это делаю, тебя не касается; на то есть видимые причины. Надеюсь, что ты понял это. Второе. Я понимаю, что ты хороший, лучше всех, старше по званию; но это не дает тебе право давить на меня. Думаю, что ты и с этим разберешься. Так ведь, сотрудник! Ну, так, что ты хотел сообщить мне новенького? – и Михайлов улыбнулся, довольный тем, что оставил Ливакова без слов.

Лицо Вениамина сначала окрасилось в синеватый цвет, потом побледнело, затем стало розоветь от возмущения и ярости. Инспектор даже заволновался, не плохо ли комиссару, но когда тот стал кричать, успокоился. От переполнявшей злобы комиссару не удавалось сказать ничего путного:

– Ах ты... да как ты смеешь... это вообще...

– Вениамин расслабься, так не долго и концы отбросить. Дыши глубже и попридержи свои глаза.

– Ну, вот что! Даю тебе ровно месяц. Если в этот срок ты не арестуешь ублюдка в зеленой расе, я тебя уволю. Усек? А теперь убирайся прочь. Вон из моего кабинета!

Не желая далее перебраниться с невротиком, Виктор поднялся с удобного мягкого, коричневого цвета, кожаного кресла и, не спеша, вышел из комнаты. Закрыв за собой дверь, он обнаружил на себе одобрительные взгляды сослуживцев, находившихся в участке и слышавших разговор на повышенных тонах. Один лишь инспектор осмеливался давать отпор шефусамодуру, ставил его на место, особо не переживая о возможном увольнении или снижении звания. Михайлов знал, что желающие служить в рядах Миротворцев в очереди у здания ОМОПП-а не стоят. Тем более такие опытные, со стажем, как он. Усмехнувшись, он направился к выходу.

Его автомобиль, как и все служебные и собственные машины, находился на заднем дворе, куда он и поспешил. Инспектор всегда обедал дома, где ему было спокойнее и уютнее, а потому туда и отправился; предвкушая восхитительную стряпню богинь кулинарного дела – его супруги и очаровательной дочери. «Какую ночь по счету я не сплю дома?», – упрекнул себя он, выезжая из ворот на дорогу.

Андрей Старков создавал впечатление образованного степенного человека. Его карие с зеленым оттенком глаза выдавали аналитический склад ума, спокойствие и выдержку. Манера держать себя с достоинством, серьезность в высказываниях, скромность и обходительность выявляли дисциплину и самовоспитание. Вообще, мудрость, проницательность, светящаяся в его взгляде, давали понять о большом жизненном опыте, не взирая на столь молодой еще

возраст. Этому способствовала растительность на лице. Находясь большей частью не с людьми, а с животными в тайге, ему не было необходимости стричься и бриться. А потому волосы, спадавшие на лопатки с достаточной долей седины, и заросшее бородатое лицо делали его похожим на почтенного старца. Однако, высокие скулы, открытый невысокий лоб, немного задернутый кверху нос и тонкие губы, если присмотреться, выдавали его молодость.

Старков оставался таким же, как и прежде, со всеми своими слабостями и достоинствами, с тем же мировоззрением и отношением к окружающей среде. Но, более того, он увеличил время своих тренировок, стал львиную долю свободного времени проводить на лоне природы, больше стал уделять времени медитации. Благодаря этой психофизической саморегуляции он вернулся к жизни из прострации, в которой его душа находилась ни много, ни мало три года. Осознавая несправедливость и жестокость, царившую в обществе, понимая всю бюрократическую и преступную систему правящего режима, Андрей впадал в уныние.

В такие моменты чистая праведная душа, сострадающая участи себе подобных, проща говоря – большинству народа, начинает возмущаться, от безысходности кровь стучит в висках. Такой человек пытается служить правде и справедливости, идет против течения. Но, к сожалению, подобные добрые мотивы разбиваются о камень преткновения, именуемый Безразличием. Именно безразличие многих и трепет притесняемых сводят на нет «души прекрасные порывы».

Парень понимал это. Ему было больно осознавать, что Мечта, построенная изначально для лучшей участи, превратилась в такой же российский город, как и другие, опутанный пеленой хаоса, поглощенный туманом беззакония. Именно это беззаконие и зло забрало у него родителей. Родителей, которым он прорицал долгую и счастливую, спокойную жизнь! Он помнил отчетливо тот день, после которого в его душе стало темно...

Но как-то, во время очередной медитации, во тьме души его блеснул лучик света и надежды. Он вновь ощутил жажду к жизни. В этот миг Старков вышел на новый виток своего существования. Он не хотел больше выглядеть как угасающий, не прижившийся, молодой росток. Ему больше импонировало олицетворять себя в качестве могучего разросшегося растения, тянущегося к Солнцу, и заслонявшего собой от ветра и зноя те самые молодые слабые побеги.

Андрей тренировался на опушке леса, когда к его дому второй раз за день подъехала «Нива» инспектора. Было 13:15 дня. Миротворец после обеда первым делом вновь отправился к своему молодому другу. Его взору представилось удивительное зрелище: в теплых лучах Солнца, на фоне темно-зеленой тайги, юноша самосовершенствовался и постигал смысл жизни, занимаясь интересным искусством. Он сливался воедино с Природой и обретал гармонию с ней, подчиняясь ее законам, пропуская ее через свое сердце.

Гость, захлопнув дверцу машины, подошел к крыльцу дома. Спортсмен, прервав занятие, трусцой подбежал к нему. Поздоровавшись, обменявшись крепким рукопожатием, они вошли в дом, где было прохладнее, чем снаружи.

– Сейчас я быстренько ополоснусь, а заодно принесу что-нибудь прохладительное, – проговорил Андрей, проводя гостя в зал. – Какой сок Вы предпочитаете?

– Да любой. На твоё усмотрение.

– Тогда, значит, малиновый. Вы пока располагайтесь поудобнее. Вы же знаете, что можете считать мой дом вашим домом.

– Андрей, не беспокойся. Все нормально! Ты уж извини, что прервал твою тренировку.

– Не проблема. У Вас ведь рабочий день нормированный, а у меня полно свободного времени. Я быстро.

– Иди-иди, – успокоил его Виктор, улыбаясь тому, как всегда переживает этот парень за своих гостей, которых у него не так уж и много.

«Шустрый парень! Подобные движения тела не каждый будет горазд повторить», – подумал Михайлов, устраиваясь поудобнее в мягком кресле. Помещение, в котором он находился, было просторным. Его три окна слева выходили на противоположную от леса сторону, к соседнему двору. Окна были занавешены узорчатыми светлыми шторами. Под окнами размещались небольшие стандартные батареи. На подоконниках разрослись комнатные растения, среди которых инспектор различил лишь знакомые ему фикусы, бегонии и кактусы. Зал был обставлен минимально необходимой мебелью, без излишеств. У дальней стены стояла «стенка», сплошь заставленная книгами. Здесь была художественная литература разного жанра (приключения, фантастика, детективы). Много книг было посвященных силовым видам спорта и Боевым искусствам. Книг не было лишь там, где располагался телевизор и DVD-плеер. Справа, стена напротив окон, включала в себя дверь, да красочную картину с райским пейзажем. У стены, напротив книжной стенки, имелись два кресла, в одном из которых размещался гость, и диван между ними. Вся мебель имела светло-коричневую окраску. Пол был выложен из коричневого лакированного паркета, гармонизовавшего с цветом мебели. В центре потолка висела роскошная люстра из шести ламп. Сам потолок голубого цвета, стены светло-зеленого цвета создавали атмосферу тепла и уюта.

Спустя несколько минут, в комнату вошел хозяин дома, сменивший свою черную набедренную повязку на легкие темные штаны и синюю футболку. В руках он держал по внушительному бокалу со светло-красной жидкостью, едва не переливавшуюся через края. Волосы его были еще слегка мокрыми. Вручив один бокал товарищу, он, непринужденно улыбаясь, присел на пол, скрестив ноги, напротив Миротворца.

– Никак не могу привыкнуть к твоей манере сидеть, – усмехнулся Виктор, отхлебнув прохладный приятный на вкус напиток.

– Благодарю Вас за то, что часто навещаете меня. Как у Вас дела дома, на работе?

– О, дома просто все отлично! А на работе, там есть некоторые проблемы. Но с этим можно ужиться. А вот на счет тебя, дружище. Как ты себя чувствуешь?

– Да что я. На здоровье не жалуясь. Живу себе помаленьку. Другим жить не мешаю.

– На счет здоровья я и не сомневаюсь, – улыбнулся Виктор. – Видал я, какие выкрутасы ты выполняешь! Да и мышечную массу ты набрал, будь здоров. А, Андрей!

– Каждый наберет, если тренироваться столько же, сколько и я. Но это, я надеюсь, еще не предел, – задумчиво парировал Старков. – Мне бы еще килограмм десять в придачу! Тогда другое дело.

Михайлов понял, что это излюбленная тема для разговора у собеседника и беседа может длиться долго. Потому он решил переключиться к теме своего визита.

– Слушай, Андрей, – начал он осторожно. – Ты понимаешь, что каждый порядочный человек должен прожить свой век с пользой для общества.

– Конечно. Так и гласит одна из заповедей Конфуция, где он называет подобных людей «учеными мужами».

– А раз так, не подумывал ли ты, что пора перестать себя жалеть и влиться в общественную жизнь.

– Хорош быть дармоедом, да инспектор? – улыбнулся Старков. Он немного смутился при этих словах. Желая реабилитироваться в глазах уважаемого друга, продолжил. – Вы можете не поверить, но я уже не единожды об этом подумывал.

– Превосходно, дело говоришь! – обрадовался Миротворец.

Он уважал в собеседнике умение быстро понимать, что от него требуется. Тем самым, облегчая обстановку, которая складывалась в душе у Виктора. Ведь он, в принципе, не имел права настаивать на чем-либо и учить жизни парня. Но в тоже время ему не безразлична судьба молодого друга. Успокоившись и настроившись на дружескую беседу, которая удачно сложилась, он продолжил свою линию:

– И чем ты думаешь заняться? К чему у тебя лежит душа?

– Я хотел бы работать инструктором по Атлетизму или приемам самообороны в нашем Дворце спорта, – неуверенно промолвил Андрей.

– Очень даже правильно, учитывая твои склонности и таланты. А чего ж ты так скромно об этом заявляешь? Если ты позволишь, я подсоблю тебе в этом деле.

– Я был бы рад вашей помощи! – воодушевился Старков, его глаза заблестели при этом. – Сам-то я не решился бы просить Вас об этом. Если только меня возьмут на работу, а я Вас не подведу! Я очень ответственно подхожу к таким делам, Вы, наверно, в курсе.

– Все будет в ажуре, не дрейфь! Зная твою натуру, я смело пойду просить за тебя.

Парень залпом осушил свой бокал, как будто хотел остудить нахлынувшие эмоции. Допил свой последний глоток и Михайлов. Поставив пустой бокал на пол, он поднялся с кресла:

– Ну что ж, на том и порешили. Жди от меня новостей. Вскорости я наведаюсь во Дворец спорта. А там видно будет.

– Спасибо Вам за Вашу доброту ко мне!

– Полно. Мне не в тягость, а в радость, – ободрил инспектор, дружески похлопывая его по плечу.

Парой минут позже, Виктор, улыбаясь, направил свой автомобиль к участку Миротворцев; оставив Андрея в смятенных чувствах, стоящим пред домом и погруженным в свои мысли. Не замечая ничего вокруг, он, не спеша, вернулся в дом. Для него раскрывались новые перспективы. Давно он не был так заинтересован в своем будущем. По привычке, уйдя в себя, на подсознательном уровне юноша стал выстраивать мечты, о существовании которых забыл за последние годы жизни.

Остаток дня Виктор Михайлов провел за письменным столом на своем рабочем месте. За последнее время у него накопилось множество бумаг: со схемами города, с теми местами, где объявлялся Затворник, со своими предположениями, умозаключениями, выводами. Теперь он решил составить все это в единое целое. Виктор все больше и больше убеждался в правоте своих догадок. Все имеющиеся факты выстраивались в одну последовательную цепочку, ведущую к конечной цели – Затворнику. Более того, он хотел раскрыть тайну смерти родителей Андрея. Инспектор хотел прийти однажды к этому парню и сказать, что данное дело действительно можно закрыть, так как преступники найдены и понесут соответствующее наказание.

Пока же ему необходимо было познакомиться с Затворником, который уже почти год, как примкнул к Миротворцам в борьбе с нарушителями общественного порядка, преступающими закон. С Зеленым монахом, чья помощь была ощутима и своевременна. Чтобы иметь возможность пообщаться с этим молчаливым, загадочным и неуловимым героем, необходимо было разгадать его личность. Данное обстоятельство назрело еще и потому, что подобную установку дал его шеф – Вениамин Ливаков. Но, если Михайлов собирался поймать Зеленого монаха, чтобы высказать ему слова благодарности и оказать ему почести, то комиссару герой нужен был для совсем иных целей. Чтобы посрамить его и надолго упрятать за решетку. Подобное отношение к всеобщему любимцу настораживало Виктора. «Что-то нечистое творится с этим невротиком, – думал инспектор. – Да и шут с ним! Пока надо забыть обо всех делах до понедельника и провести выходные в кругу семьи». Сейчас для него важнее всего была семья, которой он стал уделять мало внимания, покидая ее как в рабочее, так и в не рабочее время. Последующие два дня он был полон решимости провести с ними, и выполнить любые капризы очаровательной 18-летней дочери Александры, образцового 19-летнего сына Павла и замечательной, все еще красивой, жены Алены.

Расслабившись, он чуть было не проехал мимо своего дома, фасад и газон которого выходили к тротуару вдоль дороги. «Следует поскорее зайти домой, пока вездесущая соседка не обнаружила», – решил Михайлов, паркуя автомобиль. Закрыв дверцу ключом и обернувшись, он понял, что опоздал с последним решением.

К нему ковыляла 74-летняя старушка, немного согнувшаяся в пояснице. Радикулит давал о себе знать. На ней был домашний пестрый халат и удобные, мягкие тапочки такой же цветовой гаммы. Она была опрятна, так как с усердием следила за своим внешним видом. При каждом шаге ее седые поредевшие кудри вздрагивали, словно пожелтевшая листва дерева в зимний ветреный период. Исхудавшая, но душой вечно молодая и веселая, пожилая женщина была милостива на первый взгляд. В ее глазах читалось озорство. Миротворец всегда восхищался ее крепким здоровьем и удивительно сохранившимися белыми, прочными зубами. Единственным недостатком соседки была безудержная страсть к общению и сплетням. Хотя этим страдает подавляющее большинство представительниц прекрасного пола и далеко не пожилых. Эта страсть скорее не недостаток, а их неотъемлемое качество.

Инспектор первым начал неизбежный разговор, чтобы немного заговорить ей зубы:

– Тетушка Лидия! Здравствуйте и благоденствуйте! Как поживаете? Давно Вас, что-то, не было видно. Может, что случи...

– А-ну, Витюша, поди до меня! Когда ж это ты меня увидишь, ежели сутками пропадаешь невесть где? – перебила его старушка. Ее мягкий и приятный голос располагал к себе. – Я имею желание отчитать тебя за твое безразличие к семье. Как же так, а? Ты опять не был дома этой ночью!..

Не секрет, что подобные бабушки, часто живущие в одиночестве, благодаря своему долголетию, любят поболтать. Это не мудрено. Оставаясь одни, тем более в таком беспомощном состоянии, они нуждаются в общении с людьми. Им печально сознавать тот факт, что они больше не могут принести пользу государству. Находясь на пенсии, они выбывают из строя трудящихся, в них никто не нуждается. А им так хочется осознавать свою индивидуальность и востребованность. Следовательно, эти пожилые женщины всегда все знают, в курсе всего происходящего в городе, от их взгляда невозможно ничего спрятать. Таковыми они не становятся по собственной воле. Такими их делает существующий общественный уклад жизни. Но чем же закончился последний диалог?

– Уж не проказничаешь ли с молоденькими, на старости лет-то, а? Надо относиться серьезнее к своим семейным обязанностям. А сколько без тебя здесь произошло! Кошки, окаянные, не дали мне заснуть всю ночь, видишь глаза мои красные? – при этих словах старушка вплотную поднесла свое лицо к собеседнику, отчего тот смутился подобному обстоятельству. – А утром одна сволочная собака наделала кучу у моего порога! Вот если бы ты, Витенька, залатал дыру в моем заборе, а то прямо напасть с этими злыднями. Да, еще говорят, Затворник снова отличился. И не дал грязному отродью, фу-ты, Господи, – здесь она перекрестилась, – стащить ценности, а?

Когда соседка сделала паузу, чтобы перевести дух, Миротворцу удалось-таки вставить пару фраз в ее неугомонную речь:

– Тетя Лидия, ну что же Вы меня в краску вгоняете. Вы же знаете, где я провел ночь. А остальное – пустяки, не берите их себе в голову и всего дел! Просто кошки хотели немного порезвиться. Собаку, наверно, испугали, и она не добежала до кустика. Забор вам Павел обязательно починит. И Затворник действительно продолжает помогать нам, Миротворцам, в нашем нелегком труде.

– Ох, и шkodник ты у нас. Ну, прямо все обо всем и знает. Да и лгунишка, к тому же, – покачала головой старушка, поглядывая на него взглядом, полным задора.

В таком духе еще добрых полчаса Михайлову пришлось ублажать пожилую женщину, язык которой работал без усталости, перемалывая все на свете. Со стороны картина выглядела

забавно. Соседка, бывшая на голову ниже инспектора, смотрела на него снизу вверх, укоризненно покачивая указательным пальцем правой руки и жестикулируя левой, продолжая говорить не умолкая. Попробуй так же проговорить, кто другой – свело бы челюсть. Тетя Лидия, как обращался к ней Миротворец, сообщила о том, что произошло в Африке, об очередной победе японцев на состязаниях по Сумо; о появлении на экране телевизора новой постыдной рекламы, о том, что необходимо беречь себя и свою семью и одеваться теплее, чтобы не простудиться. Летом-то, в такую жару! И о многом-многом другом. Виктору только и оставалось покорно слушать, да поддакивать, дабы не обидеть старушку.

– Ну, чего же ты стоишь здесь, чудак эдакий! А ну, бегом к своим, – опомнилась она, наконец. – И не забывай о том, что я тебе сказала.

Михайлов направился к дому, еле сдерживая себя от смеха. Так и не поняв, о чем ему не следует забывать из столь продолжительного и обширного потока информации тетушки Лидии.

Тандем

На Мечту опустились сумерки, приближалась ночь. Дневной шум-гам понемногу стих. Город погрузился в тишину и покой. Место дневного светила на небосводе сменила Луна, достаточно освещавшая ночной пейзаж. Город окутала прохлада, умиротворяющим образом действовавшая на всех. Городок тонул в потоке лившегося ото всюду электрического света. Деревья перешептывались между собой, покачивая макушками. Ветер, словно посыльный, передавал информацию от одного дерева к другому. Собаки, утомившись беготней за день, дремали в своих норах, изредка вздрагивая и поднимая уши. То ли их беспокоил неестественный шум, то ли они вздрагивали вследствие сившихся им кошмаров. Если им вообще что-то снилось. Кошки же, напротив, провалявшись в тени весь день, стали подниматься с налегающих боков, чтобы отправиться рыскать за пищей в ночи.

В подобные мгновения хочется расслабиться и понежиться в объятиях тишины и покоя. Мечты и раздумья о мирозданье овладевают пытливые умы и романтиков. После утомительных будней в предвкушении выходных хочется отрешиться от проблем, забыться и впасть в состояние дремоты. В таком состоянии душа и тело особенно восстанавливают свой тонус и утраченную энергетику.

Вообще в подобное время можно заняться множеством дел, приятных для души, для тела. Можно предаться чтению книг, занятиям физкультурой и спортом, найти собеседников и пообщаться в теплой дружеской обстановке... Мало ли достойных способов времяпрепровождения! Тем более в таком небольшом городе, как Мечта.

Но, к сожалению, не будучи крупным мегаполисом, со свойственными таковому бурными ночами, и здесь нашлись субъекты, нарушавшие гармонию ночной картины. На одной из улочек группа молодых парней учинила беспорядок. Они, как это обычно бывает, ночью не спали, а шатались во тьме в поисках приключений.

Окопавшись на тротуаре, они гоготали, кричали, свистели и плевались, словно пытаясь освободить ротовую полость от грязи. Не каждый житель окрестных домов имел желание связываться с ними. А потому нарушителям порядка никто не мешал. Бутылки пива в руках подливали масло в огонь. Теперь им вздумалось найти чемпиона по задиранию вверх ног, пачкая стены отпечатками обуви и черными полосами от их подошв. Далее они переключились к новому занятию. Стали проверять силу удара ногой, выбивая при этом доски из заборов. Собаки и те пытались не обращать на них внимания, изредка лениво пофыркивая в их сторону.

Веселая компания, достаточно подогретая содержимым бутылок, поймав кураж, окончательно потеряла признаки воспитанности и такта, спустив с тормозов свои пороки. Известное мнение: Всевышний дает каждому человеку право выбора. Но возмутителен тот факт, что последний отдает предпочтение плодить пороки, чем обзавестись добродетелями!

Из соседнего дома, накинув на себя разноцветный, светлых тонов, халат, вышла привлекательная девушка лет 23-х. Покинув линию забора, осторожно ступая по газону, медленно и неуверенно она приблизилась к разгулявшейся компании. Остановившись в нескольких метрах от ближайшего юноши, она боязливо обратилась к ним.

У этого маленького хрупкого создания смелости оказалось больше, чем у других жильцов квартала. Ничем не огражденная от хулиганов, подгоняемая сложившейся в семье бедой, она скрестила на груди руки, обхватив свою талию, с опаской произнося каждое слово.

– Пожалуйста, не шумите так. У меня больной ребенок, едва постаравшийся заснуть. Не будите его, прошу вас.

Ни секунды не медля, девушка развернулась и направилась к своему дому. Но парни, оправившись от секундной паузы, догнали и, преградив путь, обступили ее. По толпе прошел гул одобрения и свист, указывающий на то, что она им приглянулась.

– Ты смотри, какая бойкая, красотка. Не дурна собой и опрометчива. Что ты прячешь под халатиком? – говорили они, причмокивая губами.

– Простите, мне надо идти, – прошептала волнующимся голосом девушка. Но никто не собирался ее пропускать дальше.

– Не-а, мы с тобой еще не закончили беседу. Ты хочешь обидеть столь почтенных джентльменов, оставив их без внимания? – продолжали заигрывать с ней пажоны.

– В другой раз, – парировала она. В ее глазах сверкнули искорки гнева, голос стал более твердым.

– Э нет, сестренка. Понимаешь в чем дело, – стал нести полный бред авторитет данной шайки. – Вот ты вышла с какими-то там просьбами и прервала наше занятие. Просьбами убажен не будешь. Прикинь, красавка, что тебе надо предпринять, чтобы мы откликнулись на твои просьбы, а братаны, – кривляясь, обратился он к остальным, которые злорадствовали и качали утвердительно головами.

Молодая мать с ужасом осознала на кого натолкнулась. Съежившись от страха, она молящим взглядом смотрела на них, пытаясь найти более разумного. Это было напрасным трудом, потому она обратилась к говорившему с ней, сменив тон голоса на страдальческий:

– У вас ведь есть матери, сестры, подруги сердца. Сделайте аналогию. Имейте сострадание. Умоляю, отпустите.

– Только не надо давить на мораль, – растягивая слова, ответил авторитет. – Мы ее пропили еще когда! Не томи и не ломайся. Ну-ка, что там у нас, блондиночка ты наша, – с этими словами он стал протягивать похотливые руки к ее талии.

– Нет, прошу, не надо! Я буду кричать! – в ужасе отшатнулась бедняжка. Но сзади ее подтолкнули обратно вперед.

– Кричи, это больше возбуждает, – не унимался верзила, под общее улюлюканье омерзительных парней.

Он уже облизывал свои губы... Но дальше произошло не то, что он себе предвкушал. Сначала слух уловил шелест одежды. В следующий миг его мозг пронзила нестерпимая боль, и он с воплем уставился на сломанные пальцы левой руки.

Увидев Затворника, всегда облаченного в зеленую рясу, блондинка немного успокоилась. От осознания того, что неизбежное горе не состоялось, и подоспела помощь, ее сердечко забило в груди с особой силой. На глаза подступили слезы, хрупкие плечи ее подрагивали. Каждый, уважающий себя мужчина, заступился бы за подобное милое, безобидное существо.

Ошарашенные наглецы, не понимая, что происходит, переключили внимание на неожиданного гостя. Воспользовавшись моментом, блондинка юркнула между ними и побежала к крыльцу своего дома. Покинув зону опасности, она задержалась в дверях.

Зеленый монах показал пальцем, чтобы подлецы убирались прочь. От него веяло какой-то таинственностью и мощью. Но находившиеся во власти алкоголя хулиганы были неподвластны благоразумию:

– Да эта обезьяна нас посылает! – проревел, опомнившийся от боли авторитет. – Эта падла сломала мне пальцы... М-м-м... Порвите его!

Тут все верзила набросились на Спасителя. Завязалась возня. Ночная тишь нарушалась градом глухих ударов, стоном, выкриками, хрустом и бранными словами. Девушка с восторгом глядела на работу вездесущего героя. Непроизвольно ее голова, ее носик горделиво поднялся вверх. Естественно, ведь за честь леди заступился истинный джентльмен. «Это вам не над беззащитной девушкой измываться!», – думала она, с интересом наблюдая за расправой над обидчиками.

Зрелище, представшее ее взору, было почище кинобоевиков. Зеленый монах выполнял разнообразные акробатические трюки и выдавал палитру различных приемов кулачного боя. Его конечности мелькали словно змеи, жаля всех подряд и во всех направлениях. Посредством

его хаотичных передвижений, хулиганы только мешали друг другу. Несколькими мгновениями позже все закончилось.

Зеленый монах остановился, надменно оглядывая выродков. Они стонали и пытались встать. Один из них лежал, не понимая, что происходит и где он находится. Другой не мог выкарабкаться из мусорного бака. Голова третьего застряла в пробитой ею дыре забора. Двое ползали, запутавшись в своих переплетенных конечностях. Еще один отдыхал на штакетнике. Спустя несколько минут, всем удалось подняться на ноги.

– Ах ты, обезьяна хренова, – кинулся на Затворника упрямый авторитет.

В следующий момент его тело поднялось в воздух и плюхнулось брюхом на землю. Вскочив на ноги, он в оцепенении обнаружил, что теперь у него сломаны пальцы на обеих руках. Неимоверно вопя от боли и досады, он кинулся бежать прочь от неуязвимого гостя. Затворник многозначительно повернул голову к остальным, его невидимый взгляд не обещал ничего хорошего. Те бросились в рассыпную, ковыляя так, что пятки засверкали.

Когда звук удалявшихся шагов стих в ночи, девушка хотела, было, подойти к герою со словами признательности, но он выдвинул вперед открытую ладонь, предупреждая ее, что не следует делать этого. Тогда она, немного смутившись, низко поклонилась ему. Зеленый монах кивнул ей головой в ответ и стремительно и бесшумно исчез во тьме.

Завороженная, она несколько мгновений стояла неподвижно, глядя ему в след. «Надо же, такой бескорыстный и такой немногословный. Станный, мистический человек», – послала сквозь пространство, ему вдогонку, свои мысли блондинка. Затем, будто опомнившись, оглядевшись с опаской по сторонам, она легким бегом, по девичьи, покинула ночной пейзаж. Вернувшись в дом, она с удовольствием отметила тот факт, что ее чадо сладко сопит во сне.

Было 11 часов ночи. Виктор Михайлов лежал в постели, подложив руки под голову, уставившись взглядом в потолок. Хотя ему положено было спать крепким беспробудным сном, последний не одолевал его. Как он ни пытался создать в голове пустоту, череда обрывочных навязчивых мыслей атаковала его сознание. Тут уж стало не до сна.

Поужинав, он провел хорошо время в кругу семьи, болтая о том, о сем. Инспектор всегда держал в курсе дел близких, периодически названивая им, сообщая об изменениях в его рабочем распорядке. Душевное спокойствие домочадцев для него было важнее всего.

Попросив прощения у них за столь частые отгулы, он с интересом наблюдал за их реакцией. Дочь кокетливо пристыдила его за эти отлучки. «Да ладно!» – промолвил сын и попросил прояснить ход расследования последних дел отца. Жена улыбнулась и приласкала его. Она понимала его, была просто мировой женщиной. Среднего роста, 80 килограмм весом, она излучала веселье, задор и ласку. Никогда не унывающая, она была душой семьи. Светлые густые волосы обрамляли ее лицо, закрывая плечи. Высокий лоб, светлые с искорками глаза, курносый нос, полные губы и волевой подбородок выдавали прямо у нее характера, эмоциональную стабильность и душевную чистоту. Алена следила за собой, а потому ее лицо было все еще свежо, кожа здорова. Лишь морщинки появившиеся в уголках глаз намекали на ее возраст, перешагнувший за 40 лет. Повернувшись на правый бок, она спала мирным спокойным сном, видя цветные сны.

В доме все находились в плену ночного забвения. Лишь Михайлов ворочался в кровати. «Надо проветриться», – решил он. Стараясь не разбудить жену, он вышел в прохладу ночи. На небе не было ни облачка. Звезды, разбросанные по всему небосводу, мерцали, подмигивая друг другу. Полная желтая Луна в гордом одиночестве ласкала своим ровным мягким светом мрак ночных улиц. Виктор усмехнулся, прикуривая сигарету, выходя во двор, своей мысли

о вампирах, оборотнях. Фильмы о подобной нечисти любил смотреть его сын, где действия происходили в такие вот лунные ночи.

Выдувая струйку дыма, он насторожился. Нутром почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Осматривая свой двор и близлежащие окрестности, он окидывал взглядом каждый темный уголок. Стояла тишина и мрачная темень, но ощущалось чье-то присутствие. Лишь насекомые трещали в траве, не обращая внимания на переживания человека. Занимаясь привычным делом, они разбавляли ночную тишь. Инспектору сделалось не по себе от нагнетающейся атмосферы. Он стоял и прислушивался к окружающей среде, докуривая сигарету. Старался всем своим видом не показывать душевного волнения и озадаченности.

Вдруг справа Миротворец услышал шелест листьев и хлопок одежды. Мгновенно бросив туда взор, он краем глаза уловил движение тени. Что-то слетело с дерева на землю и исчезло во тьме. Виктор Михайлов стоял на месте. Адреналин в крови мобилизовал его силы. Он был готов отстоять неприкосновенность своей территории, готовый в любую секунду дать отпор незваному гостю. Теперь сзади он ощутил дуновение ветра и чей-то полет. Обернувшись, он никого не обнаружил. «Мистика», – тихо произнес инспектор. Он всматривался в темноту, усиленно слушая шорохи, как, неожиданно, слева к его ногам упал камень, завернутый в испанскую бумагу.

Павел Михайлов, проснувшись среди ночи, лежал с широко открытыми глазами. Он стал часто просыпаться, без видимой на то причины, почти каждую ночь. То ли из-за частых отсуствий отца, чувствуя ответственность за домашних. То ли на него так действовало незначительное понижение температуры в ночное время суток. То ли оттого, что он не мог обрести покой, изнуряя свой мозг различными думами, – этого он не мог утверждать. Павел не сильно расстраивался по этому поводу. Ведь это было то время, когда он имел возможность уединиться со своими мыслями.

Юноша был высокого роста и среднего телосложения. Стройный и выносливый, с греческим профилем лица, он был больше похож на родственников, чем на родителей. Высокий лоб, коротко подстриженные черные волосы, большие серые глаза, прямой узкий нос, неполные губы и неширокий подбородок, да уши, придававшие корректность глазам, создавали ему шарм.

Его небольшая комната была укомплектована необходимой мебелью: письменный стол, книжный шкаф, кровать, стоявшая у окна, два стула, да японский музыкальный центр. Пестрый ковер на стене, и палас на полу придавали комнате уют и тепло.

Павел всеми фибрами души стремился помочь отцу в его личном расследовании загадочного дела семьи Старковых, над которым Миротворец бьется четвертый год. Сын, в тайне от отца, вел записи и свои соображения по этому делу. Он хотел преподнести отцу сюрприз в виде разгадки данной головоломки, но пока ничего путного из этого не выходило. Расспрашивая отца, парень узнал все известные факты, делал заметки, записывал выводы то, вычеркивая, то, обращаясь к ним снова. Подобным образом он перевел не один блокнот. Юноша думал об отце, об этом неладном деле, о своих мечтах. Он собирался в недалеком будущем стать Миротворцем. Честным и упорным, добропорядочным и справедливым, – таким, как его отец. Потому и делал, для осуществления своей мечты, первые шаги.

Павел укладывался в постель не позже десяти часов ночи, чтобы иметь возможность подниматься на ноги спозаранку. Но подобные нарушения сна, видимо, вошли уже в привычку. Парень снова отходил ко сну после непродолжительных раздумий, когда увидел то, что его окончательно высвободило от пут сна. Мелькнула чья-то тень на освещенной лунным светом стене, куда был обращен его взор. Кто-то за окном пронесся по двору. Парень вскочил с кро-

вати, мысли перемешались в голове: «Что за дела? В нашем дворе... Какого лешего там происходит?».

Бесшумно покинув свою комнату, он осторожно направился к выходу. Фигурные настенные часы показывали двенадцатый час ночи.

Зеленый монах, в своем неизменном балахоне, стоял в нескольких метрах напротив Виктора Михайлова, ожидая пока тот закончит чтение записки.

«Вы, хороший Миротворец. А потому, я хочу объединить с вами усилия в нашем достойном деле, – писалось в ней ровным твердым почерком, не отличавшимся каллиграфией. – Беспорядки в городе творятся не без допущения чиновников и Миротворцев, в частности. Обратите внимание на комиссара. Очень подозрительная личность. Дневные преступления лишь верхушка айсберга. Могу с полной уверенностью утверждать, что основная масса преступлений происходит ночью. Если бы Миротворцы патрулировали улицы ночью... Искать меня не нужно. Я сам буду связываться с вами, в случае необходимости... Прибывшие в город новые жильцы, здесь не случайно. И система пропускающая таковых сюда не идеальна. Опять же комиссар является не последней фигурой в ней. Кто-то сознательно и целенаправленно подрывает авторитет райской Мечты в глазах ее основателей. Создается такое впечатление. И вряд ли оно ошибочное. Мы с вами лишь пешки и занозы в одном месте или, пардон, бельмо на глазу, палки в колесах, если хотите, в чьей-то игре. Игре бюрократов и карьеристов, не чистых на руку. Я полагаю, вы и сами все это осознаете».

Прочитав последнюю фразу, Виктор Михайлов поднял глаза на автора записки. Тот стоял в ожидании ответа, скрестив руки на груди.

– Во-первых, я рад, наконец, встретиться с тобой, – произнес он, не скрывая своего волнения. – Прими слова признательности в свой адрес...

Затворник, опустил голову, положив левую руку на грудь, принимая благодарность. Правую руку он выдвинул вперед, раскрыв ладонь, показывая, что не следует продолжать данную тему.

– Во-вторых, – слегка улыбнувшись, продолжил инспектор, – я полностью солидарен с твоими мыслями. Хотя в отношении комиссара ты меня ошарашил. Признаюсь, его я в расчет не брал совсем. – Почесав в затылке, он добавил. – Я обдумую, как можно устроить твоё предложение на счет ночных патрулей. А работать с тобой в команде я, конечно же, не против.

Затем, бросив взгляд прямо в черную маску лица, с осторожностью Миротворец продолжил односторонний диалог:

– Но, я имею желание увидеть твоё лицо и знать твоё место жительства... Я понимаю, что это несколько нескромно, я бы даже сказал нагло, – стал оправдываться он в ответ на отрицательное качание головой Зеленого монаха. – Просто у меня есть некоторые предположения, и я бы хотел утвердиться в них, – настаивал блюститель порядка.

Ночной гость покачивал указательным пальцем правой руки из стороны в сторону, давая понять, что спешить не следует, и время еще не настало. Тут он напрягся, будто кошка, готовящаяся к прыжку, и кинул взгляд в сторону дома. Показав инспектору, что он сам выйдет с ним на связь, Затворник, быстро, в несколько шагов, очутился у забора, неожиданно и резко перемахнул через него, и, словно призрак, растворился в темноте ночи.

Михайлов, не ожидавший такого поворота дела, изумленный, обратил свой взор в сторону дома.

– Так вот кто спугнул моего молчаливого собеседника, – произнес он, обращаясь к сыну, шедшему к нему на встречу.

– Нас навестил сам Спаситель! – удивлялся Павел. – Вот это новость! О чем вы говорили, отец?

– Он предлагает работать в команде.

– Seriously! Это что-то. Расскажи мне о произошедшем, – взмолился парень. Он был так взволнован, что его широкие глаза и вовсе округлились.

Спустя пару десятков минут, в доме Старковых воцарилась тишина. Юноша, полный радости, тут же отдался дремоте. У него была пища для размышлений на утро, чем он был доволен. С едва уловимой улыбкой на губах, он, сложив руки под левой щекой, успокоился, отдавшись забвению. Михайлов забылся долгожданным и спокойным сном. «И все-таки странный он, этот Затворник», – мелькнула в его голове последняя мысль.

Заговор

Ночная жизнь бурлила в самом разгаре. Желтый глаз на черном небе наблюдал за своими владениями. Его неусыпное око создавало на земле игру красок, где темные участки местности менялись освещенными его светящимся взором окрестностями. Собаки перебранивались между собой, лаем и воем оглашая округу. Эгоистичные одиноличники кошки при неожиданных встречах устраивали кошачью симфонию, больше похожую на плач ребенка. Из лесу периодически доносились звуки, свидетельствующие о бодрствовании его обитателей. Совы и филины, часто наведывавшиеся в город, ухали, маневрируя в проулках. Они устраивали охоту за вездесущими котами. Но вместе с животным миром, в эту ночь не смыкали глаз и представители двуногих хищников.

В доме, находившемся в нескольких кварталах от здания ОМОПП-а, рождались коварные идеи. Идеи, воплощение которых вызвало бы бурю экономического характера. Что, в свою очередь, привело бы к возмущению в народных массах. А это содействовало бы включению тех рычагов воздействия на горожан, которые только на руки немногим избранным, так называемой элите.

Это был средних размеров дом, не приметный, ничем не выделявшийся из других домов близлежащих улиц. Все окна были занавешены черным материалом. Дом был наглухо заперт. Внутри было тихо и темно. Только в одной комнате горела тусклая лампочка под абажуром, освещавшая круглый дубовый стол, стоявший в ее центре.

За столом сидело четверо мужчин. Перед ними лежал план какого-то здания, на котором делались пометки карандашом.

– Все должно быть сделано быстро, четко и без малейшей осечки, – говорил высокорослый широкоплечий блондин с торчащими ушами. Будучи хозяином дома, он напускал на себя важный вид. Одет был, как всегда, с иголки. – Давайте прогоним план действий еще раз. Так, сначала заходишь в банк, под видом клиента, ты, Коля.

Он обратился к низкого роста седовласому мужчине, отравившему себе пухлый живот. На вид ему было лет сорок. На нем были красные дорогие штаны, черная рубашка с белым воротником и манжетами, да синие лакированные туфли с заостренным носом. Потряхивая мясистым лицом на большой голове, в знак согласия, он заговорил хрипловатым голосом:

– Да. Я вхожу с кейсом в руке, весь такой при параде. Делая вид, будто осматриваю помещение, словно оценивая гений архитектора. А сам вычисляю, на том же ли месте сигнализация.

– Верно. Тем временем ты, Руслан, в качестве электрика, присоединяешься к Николаю.

Вторым, к кому обратился хозяин дома, был высокий, худощавый достаточно смуглый мужчина 35 лет. Прямые черные волосы и такие же усы гармонировали с его загаром. Одет он был в зеленую рубашку с, опять же, белыми манжетами и воротником, в темно-синие штаны и коричневые кроссовки с белыми вставками. Высокие скулы, нос с горбинкой, широкая челюсть и огромные кулаки выдавали его боксерское прошлое.

– Правильно, – сказал он волевым голосом. – Осведомив управляющего банком о производимом осмотре электропроводки в госучреждениях, я отключаю свет на пару минут. Вырубая электрозащиту сейфа и снова подаю электричество.

– К этому времени ты, Денис, устраиваешь небольшой фейерверк.

Это был сбитый тяжеловес. Скорее похожий на медведя, по своей комплекции, нежели на человека. Лысый, с квадратным лицом и узкими глазами, он не отличался кротостью характера. Ему исполнилось недавно 30 лет, но на вид он выглядел старше из-за своего внушительного веса. Среднего роста, от него веяло необычайной физической силой. На нем были лишь белого цвета мягкие брюки, да темные, большого размера, ботинки. Все три гостя были подпоясаны одинаковыми широкими черными ремнями с серебряными бляхами.

– Пока будет отключен свет, – заговорил он громогласно, – я устанавливаю у входа динамит и вхожу внутрь банка. Как только Руслан подаст свет, я включаю детонатор.

– Все именно так! – не унимался остроносый упыреподобный затейщик. – Пока клиенты и персонал банка будут в замешательстве, вы с оружием наголо завершаете свою миссию. Денис, становишься у раскуроченного входа и никого не выпускаешь. Руслан, вместе с ним держишь всех на мушке. А ты, Коля, забираешь хрустящие бумажки. Будет необходимо, кончайте любого!

– Дальше дело за вами, комиссар, – обратился к нему верзила.

– Да. Я задерживаю своих насколько будет возможно. Тем более что в выходные дни дежурных на улицах гораздо меньше. А вы постарайтесь как можно быстрее исчезнуть. Деньги ваши, поступайте с ними как заблагорассудится. И не светитесь понапрасну.

– Интересно, какой прок от этого вам, – усмехнулся толстячок.

– Слушайте, – потирая руки от наслаждения, поведал Вениамин Ливаков. – Когда городишка останется без основных денег, я предложу, как бы во спасение и пополнение бюджета, а значит и разрешения данной ситуации, добывать залежи цветных металлов на участке нетронутых гор Сихотэ-Алиня, принадлежащем территории Мечты. Это же цинк, свинец, серебро, вольфрам, уголь, золото, наконец! В правительстве меня поддержат, достаточно взять его в долю. Кому есть дело до богом забытого края необъятной и разваливающейся страны. А из этих денег я уж сколочу себе состояние. Будьте уверены!

– Ох уж алчен и хитер, лис, – констатировал боксер.

– А как же иначе! Теперь, чтобы воплотить задуманное в жизнь, займитесь приготовлениями. Подготовьтесь основательно, говорил комиссар, поднявшись с места и провожая гостей к выходу. – Проколов быть не должно. Итак, до следующей встречи! Сколько мы с вами дел провернули, а, – добавил он, закрывая за ними дверь.

Три темных силуэта бесшумно исчезли в ночи. Задуманное ими недоброе дело должно было осуществиться вечером следующего дня, когда разомлевшие от знойного дня люди будут утомлены и менее бдительны. Опустив свой темный занавес за шедшей гуськом троицей, ночь продолжила свою колыбельную, завлекая всех в царство снов. И только Луна, не зная покоя, вела дозор своих владений.

Зарождался новый день. Темень все еще не рассеялась, и дневной свет с трудом пробивался сквозь нее. Рассвет сулил вереницу событий. Те немногие, кто пробудился ото сна, предвкушали спокойный отдых в эти выходные дни. Солнечные лучи начинали понемногу ласкать своим теплом ярко-зеленые кроны деревьев, которые, потягиваясь, обращали свой лик к светилу. Удивительно как игра солнечного света на листьях деревьев так разнится в зависимости от времени светового дня. Нельзя спутать утро сейчас или полдень, послеполуденное время или вечер. Ведь зелень листвы могучих исполинов и солнечный свет, в котором она утопает, не меняются за день. Но все же эта игра красок своя особенная для каждого временного отрезка дня! С этим фактом, казалось, солидарны и пернатые. Которые, как это заведено в их кругах испокон веков, встречали утро, носясь в воздушном океане. Устроив гонку, друг за другом, стая ласточек сновала над зеленью растений и камнем зданий, выписывая в воздухе невообразимые пируэты. Их несмолкаемый писк и живая энергия бесперебойного движения вдохновляли на активность. В такие моменты душа особенно открыта новым впечатлениям и эмоциональным порывам...

Хотя комиссар не ложился спать этой ночью, выглядел он бодрым и веселым. Наконец, свершится то, к чему он упорно стремился все семь лет своего пребывания в данном городке. Золото – то, что влекло его всегда, это цель и суть его жизни. Благодаря этому металлу он

собирался приблизиться к свите богатых чиновников и бизнесменов. Он мечтал, и в своих мечтах он видел себя зажиточным, надменным господином, знакомство с которым искали многие власть имущие, по одному повелению которого вершились судьбы. Он верил в силу денег и имел неумемное желание сорить ими направо и налево. Пресмыкаться в рядах «второсортных» для него было унижительно и обременительно. Зависть к миллиардерам душила его, отравляя всю его многострадальную, как он считал, жизнь.

Алчные и низменные мысли Вениамина Ливакова были прерваны странными обстоятельствами. Кто-то стучался к нему в дом. После стука в дверь, не успев подойти к ней, последовал стук в окно. Направившись к нему, он уже слышал стук по крыше. Недоумевая и извергая проклятия в адрес творившегося, Ливаков нацелил свой путь к парадной двери. Там на крыльце его слух уловил топот чьих-то ног.

Комиссар выбежал во двор. Царила предрассветная тишина. Не было видно ни единой души.

– Все-таки надо было вздремнуть, а то уже галлюцинации атакуют, – усмехнулся он, возвращаясь к дому.

Вдруг, неожиданно, его толкнули в спину. Он едва не разможил себе нос, влетая по инерции в стену дома. Приподнятое недавно настроение окончательно испортилось.

– Что за ублюдок решил портить мне с утра пораньше нервы? – злобно прошипел он. – С кем связался, хоть догадываешься? Где ты, ну-ка покажись.

Сзади донесся едва уловимый шорох. Вениамин обернулся: никого, – лишь покачиваются ветки стоявшего рядом с домом дерева. Теперь он ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Повернулся в ту сторону, вновь никого. Миротворец превратился в сплошной орган слуха. Озираясь по сторонам, он пытался определить источник шорохов и дуновений ветра. И это ему удалось. В соседнем дворе он краем глаза заметил фигуру человека в зеленой монашеской рясе, которая, спрыгнув с дерева, исчезла в густой растительности огорода.

– За-твор-ник! – выделяя каждый слог, вмиг определил он агрессора. – Можно было догадаться. Кто еще может себя вести как обезьяна и прятаться, словно трусливая баба. Видали героя! Работает только исподтишка. Мразь! Сукин сын, чего тебе над... Ливакову не пришлось закончить фразу, удар пяткой по голове опрокинул его наземь.

Поднявшись на ноги, он обнаружил Зеленого монаха. Тот стоял перед ним и покачивал указательным пальцем правой руки из стороны в сторону. Жест предупреждал болтуна, не смей упоминать о матери обидчика. Сколько ни вглядывался комиссар в его лицо, ему не удалось рассмотреть ни единой его черты. Тряхнув головой, чтобы прийти в себя и избавиться от головокружения, он заметил, что остался снова один.

– Слушай ты, призрак хренов! Ты же понимаешь, что подписал себе смертный приговор, – сказал он, гримасничая от боли, потрагивая вскочившую на голове шишку.

– Чего ты лезешь на рожон? Кому нужны твои выходки? Хочешь быть обезьяной? Я тебе это устрою. Вскорости будешь кривляться за решеткой, придурок. Герой-неудач... – опять Вениамин оказался на земле, не соображая, с какой стороны его атакуют.

Продолжая ругаться, кряхтя, он встал на ноги. Поднеся руку к ушибленному месту, комиссар взвыл, то ли от боли, то ли от досады, что прежняя шишка на голове разбухла еще больше. Затворник стоял перед ним, скрестив руки на груди.

– Да я тебя, паскуда, на изнанку выверну, – зашипел страдалец, замахиваясь на недруга кулаком.

Ощувив сильную боль в руке, он почувствовал как оторвался от земли. После приземления ему сделалось нехорошо. Отдохнув несколько мгновений и собираясь с мыслями, Вениамин Ливаков вскочил на ноги и выхватил из кобуры автоматический пистолет. Тут же последний был выбит из руки ударом ноги и отброшен в кусты. Проследив за местом падения

именного оружия и обернувшись, хозяин в очередной раз потерял из виду Зеленого монаха. Осмотревшись, он обнаружил его сидящим на перилах крыльца.

– Лови, сморчок бульварный! Еще! А вот это?! Погоди у меня, – пришел в ярость Миротворец, запуская в неприятеля все, что попадало под руки.

В ход были пущены: камень, табуретка, стоявшая вблизи, пистолет из кустов, ведра, лестница. Однако, все было напрасно. Там, где секунду назад находился оппонент, куда прилетали запущенные предметы, его уже не было. Вот Затворник в дверях, а вот он уже у окна, теперь – у забора, а сейчас он за спиной метателя. Незванный гость был неуловим и быстр.

Когда все подручные средства были исчерпаны, взбесившемуся Вениамину предстала перед глазами следующая картина: выбиты оконные стекла, повреждена дверь, выломан кусок забора, а Зеленый монах жив и невредим, совершенно спокойно стоит пред ним.

Впав в истерику, Ливаков зашвырнул в него тапок со своей ноги. Тапок вернулся назад, угодив в левое ухо. Шипя от злости, комиссар предпринял новую отчаянную попытку для атаки. Получив затрещину по тому же уху, он распластался ничком на земле. Не в силах больше ничего сделать, рыдая, он стал выдергивать траву с земли. Затворник, покачав головой от жалкого зрелища, растворился в зарослях, словно привидение.

Утро уже наступило. Город стал понемногу вливаться в обычный дневной марафон жизни. Солнце стало припекать раньше обычного. Подобное обстоятельство являлось предвестником кратковременного изменения погоды. «Неужели жара спадет?!» – радовались люди, уморенные пеклом. Вступавший в свои права день, сулил перемены не только погодные.

По улице, прокладывая путь не так уж далеко от места последних событий, грациозно шагала девушка, направляясь в магазин. В руках она несла темного цвета пустой продуктовый пакет. Он был аккуратно сложен в несколько раз, в него был завернут оранжевый миниатюрный кошелек. Купаясь в теплых лучах восходящего алого Солнца, она весело и бодро стучала каблуками розового цвета туфель.

То была среднего роста стройная девушка. Темные и вьющиеся волосы ниспадали на хрупкие плечи, блестя на свету. Лицо девушки излучало притягательную красоту. Невысокий лоб, большие глаза, прямой нос, изящные уши, тонкие алые губы, белоснежные ровные зубы, округлый подбородок и овал лица завораживали, оседая в подсознании как идеал девичьей красоты. Легкое розовых оттенков платье до колен плотно прилегало к фигуре, подчеркивая ее овальные линии. Небольшие серьги в виде цветка с феономом и кольцо на среднем пальце левой руки с тем же камнем придавали ей еще большее изящество. От нее веяло чистотой и целомудрием.

Неожиданно из переулочка вышла группа молодых людей. Они уже с утра были навеселе. Натолкнувшись на девушку, они решили позабавиться. Эта молодежь спивалась, чуть ли не со школьной скамьи. Не желая работать, не воспитав в себе никаких полезных привычек, не подозревая об активном отдыхе, они находили радость жизни лишь на дне бутылки. Праздно проводя время, они не замечали, что втягиваются в среду алкоголиков. И когда трудовой народ утром направлялся на рабочие места, они уже возвращались назад, получив очередную порцию эйфории.

Наглые омерзительные рожи уставились на путницу, в то время как она пыталась пройти мимо, с отвращением глядя на пропитанных спиртом бездельников.

– Куда путь держишь, красотка, – заговорил с ней самый крупный и, по-видимому, самый пьяный парень.

– Тебе этого незачем знать, – спокойно ответила девушка.

– Да?! А как на счет того, чтобы составить нам компанию?

– Я скорее прогуляюсь со сворой бездомных собак, – пленница держала себя с достоинством, хотя и осознала свое незавидное положение.

– Но псины не развлекут тебя так, как это сделаем мы, – напирал верзила, подмигивая нахально улыбавшимся соратникам.

– Благоразумнее было бы каждому идти своей дорогой. Зачем утро начинать с негатива?

– Слушай, красотуля, ты так с нами не дерзи. И не будь такой недотрогой. Видали мы таких, важных! Давай, детка, обнимемся и помиримся, – стал надвигаться на девушку хулиган.

Она оказалась прижата к стене, на глазах показались слезы. Как ни старалась она не показывать своего страха пред ополоумевшими алкашами, он читался в ее взгляде. Руки она прижала к груди, дрожь стала колотить тело.

Внезапно перед ее глазами возникла зеленая фигура, заслонившая собой ее от выпившей дюжины молодых людей.

Он спрыгнул с забора, расположившись между девушкой и бандитами, показывая им жестом уходить. «Затворник! Слава тебе, Господи! Он то не даст в обиду», – пронеслось в голове красавицы. Сердечко ее теперь не билось усиленно от ужаса, а трепетало от радости. Как она была признательна этому герою!

– Смотрите-ка, кто к нам с неба свалился! Уж не думаешь ли ты нагнать на нас страх, монах? Четкие стихи получились, а братки, – обратился все тот же верзила к гогочущей группе.

Жалко выглядели эти парни, губящие свою почти еще не начавшуюся жизнь. Одеты в достаточно грязную одежду, с засаленными волосами, худые они больше походили на бомжей. Залитые алкоголем глаза ничего не выражали, ухмылка, никогда не сходявшая с бледных губ, открывала напоказ начавшие гнить поредевшие зубы. Руки были у них то ли грязными, то ли почерневшими от нездорового образа жизни. Никто не хотел им зла. Все возможное зло они сами с собой сотворили.

– Ты же у нас весь такой крутой. Ну-ка покажи, на что ты способен, кореш, – и они стали махать по воздуху руками и ногами, показывая свою удаль и пижонство.

Зеленый монах отрицательно покачал головой, еще раз, жестом руки показав им на дорогу.

– Ну что же ты, кишка тонка? – усмехнулся верзила, выбросив ему в лицо свой кулак...

Затворник жестом предложил девушке отойти в сторону и продолжить свой путь. После чего он вернулся к обидчикам.

– Ты нашел приключения на свою задницу, хмырь, – пробормотал большой парень, поднимаясь с земли и вытирая рукавом окровавленный нос.

Спаситель безразлично пожал плечами. Вся группа разом набросилась на него. Спустя минуту, они ковыляли прочь, забыв про свою удаль. Алкоголь и адреналин в крови приглушал болезненные ощущения. Но когда они проснутся после дневного сна, им будет не до забав. Ушибленные мышцы, треснувшие ребра, рассеченные скулы и губы одарят их палитрой боли и стога.

Убедившись, что девушка не собиралась уходить, Затворник сделал реверанс, прощаясь с ней. Она также присела в подобном жесте тела, улыбаясь.

– Вы очень мне удружили. Я благодарна вам до глубины души. Вы настоящий джентльмен, – ее испуг прошел.

Щеки ее разругались от сказанных слов. Опустив голову, она отвернулась и пошла своей дорогой. Бросив многозначительный взгляд в след очаровательной девушке, Зеленый монах юркнул в проулок, вспоминая, куда он держал путь, прежде чем пришлось сделать остановку.

Улица, на которой произошли события, опустела и затихла, как ни в чем не бывало. Лишь капли крови на асфальте, да пара лоскутков одежды могли свидетельствовать наблюдательному прохожему о случившемся этим утром инциденте.

Медленно ползущее по небосводу Солнце стало понемногу нагревать воздух. Воздух, который здесь, в лесной чаще, оставался все еще свежим и чистым, не в пример другим населенным пунктам. Обитатели леса, встретив очередной день, занимались привычными ежедневными хлопотами. Они наполняли лес своим пением, урчанием, писком, ревом и стрекотаньем. Вековые деревья подхватывали эту гамму звуков и ветвями гнали их дальше под своим сводом. Их крона предоставляла лесной живности спасаться от пекла в прохладной тени. Деревья, словно стражи мира и покоя, гордо принимали на себя весь удар ультрафиолета, углекислого газа и смога, упорно стремящихся пробиться сквозь их оборону.

Девственная красота леса, ее первозданная чистота и загадочность всегда влекли к себе Андрея Старкова. Эту любовь он впитал с молоком матери. Спасаясь от городского шума и хаоса, от его грязи и порока, от интриг и злодеяний, он много времени проводил под защитой леса в обществе лесных жителей, которые свыклись с ним и перестали его опасаться.

Здесь он уединялся и думал о мироздании, о сущности своего пребывания на данной планете. Созерцая окружающую среду, медитируя, парень постигал свой Путь и самосовершенствовался.

После безвременной кончины родителей, Старков потерял вкус к жизни. Его охватила полнейшая апатия. Он никого не желал видеть. Ничего не хотел делать. Бесцельно проводил дни и ночи напролет, упуская даром бесценные молодые годы. Скука по отцу, по матери завлекла его в трясину слез, рыданий и отчаяния. Так продолжалось три года. Единственное, к чему не потерял интерес Андрей, и что как-то поддерживало в нем жизнь, так это занятия спортом и Восточными единоборствами. Чтобы не жалеть себя, проливая слезы, он решил выбить из себя всю слабость и боль. А потому все эти годы превратились для него в одну сплошную тренировку, с перерывами для принятия пищи и сна.

Но как-то, почти год назад, во время очередной медитации, парень прозрел. То ли ему снизошло повеление Всевышнего, то ли судьба решила дать ему последний шанс, то ли Мать-Природа взяла на себя устройство его будущей жизни – неизвестно. Но в его голове прорисовалась многообещающая картина. Она изображала новую деятельность молодого человека, служение людям, ежедневную пользу для горожан. Здесь не оставалось времени на горькие воспоминания и пребывание во власти горя и страданий. Предлагалось искупление вины перед небесами. Последнее обстоятельство особо подстегивало Старкова. Ведь будучи немного мнительным, по своей натуре, он винил себя в смерти родителей. В том, что с некоторым запозданием вернулся тогда со школы и т. д. в подобном роде.

А тут и инспектор вовремя подоспел со своей помощью. Жизнь стала понемногу укладываться в обычную колею для парня. Так оно и правильнее. Горем и слезами усопших, к сожалению, не вернуть. И вряд ли им там, на небесах, приятно столь плачевное состояние души покинутого ими родного человека. Жизнь продолжается. Главное не забывать их. Каждый день помнить, держать открытым для них уголок в своем сердце. Помня о близких, отошедших в мир иной, живые продлевают им пребывание на Земле, рядом, в глубине души. Память о них может жить столько, сколько живут сами, не забывающие об ушедших, люди. Но вернемся к действительности.

Андрей Старков находился в апогее своей тренировки. Завершив работу с железом, он переключился к Боевым искусствам. Что только не вытворял он в лесной чаще на виду у любопытных птиц, облепивших ветви деревьев-исполинов. Бег по пересеченной местности, бег с препятствиями сменялся лазанием по деревьям, перемещениям с помощью лиан. Не каждый паркурщик перещеголял бы его. Далее последовала череда акробатических упражнений, упражнений гимнастических, где инвентарем служили деревья. После Андрей перешел

к выполнению приемов. Удары руками и ногами, сменялись подсечками, прыжками, разворотами и уклонами, нырками и передвижениями. Холодное оружие, оружие ударно-дробящего типа из арсенала японского каратэ-до – парные нун-тяку вращались вокруг него с изумительной скоростью. Выписывая в воздухе восьмерки, ныряя под мышками, скользя за спиной, нун-тяку в руках Старкова восхищали виртуозностью. Мощь бойцовской техники и ее быстрота поражали. Чтобы выдержать подобную нагрузку, его тело должно было сделано из стали! Пот струился с него градом. Набедренная повязка была мокрая, хоть выжимай. При каждом малейшем движении его мускулы играли. Валы мышц то набухали под кожей упругой плотной тканью, то, расслабляясь, вытягивались под ней. Солидная мышечная масса и бесподобный ее рельеф, под мокрой блестящей кожей делали из Старкова безупречного бодибилдера!

Парень находился в своей стихии. Время остановилось для него. Стремлению к самосовершенствованию, к созданию себя по намеченному идеалу не было предела. Здоровье и сила распирали его изнутри. Прозанимавшись подобным образом четыре часа, он уселся под могучей раскидистой липой в позу со скрещенными ногами «цзочань». Восстановив дыхание и успокоившись, спортсмен принялся медитировать. Дыхание стало медленным и едва ощутимым. Глаза были полузакрыты. Живот размеренно двигался в такт дыханию. словно каменное изваяние он сидел неподвижно, сливаясь воедино с лесом и его обитателями, обретая покой и блаженство. Его душа и разум растворились в воздухе, тело вросло в почву, будто корни той пахучей растительности, под которой он расположился, становясь чутким и прозрачным...

Стоял полдень, солнце находилось в зените. Холодные напитки, со льдом, раскупались только так. Столовые, кафе, бары и рестораны были заполнены людьми. Освежаясь, спасаясь от высокой температуры, они мирно беседовали, коротая время в душевной, приятной компании. Ласточки, описывая пируэты в воздухе, носились низко над землей, предвещая о грядущей смене погоды. Все давно ждали этого. Много разговоров велось на данную тему.

Среди тихой и спокойной размеренной обстановки бросался в глаза въехавший в город фургон. Машина была обклеена трафаретами с изображением полуголых девиц, броскими оскорбительными выражениями. Очередная частица грязного похабного мира залетела в Мечту. словно вода, стекающая с возвышенностей в низину, будто атмосферный воздух, стремящийся из областей высокого давления в области низкого давления, в этот более-менее чистый уголок страны просачивались отголоски псевдо-западной культуры. Ее пропаганда и без того лилась обильным потоком не без помощи средств массовой информации. Кому-то, и не только в нашем Отечестве, было это на руку.

Пестрый, размалеванный фургон неимоверно тархтел, оставляя за собой след из клубов сажи и дыма, извергавшейся из выхлопной трубы. Наконец, он остановился напротив шикарного бара. Из кабины вывалились два хорошо откормленных парня. Они были изрядно толстыми, высокого роста, блондинами лет 25-30. Братья были одеты так же одинаково, как и выглядели. Цветные потные и помятые майки свисали поверх ободранных шортов из джинсового материала, которые больше смотрелись как семейные трусы. Грязные и слипшиеся светлые кудри закрывали одно ухо. Другое же ухо нарочно было освобождено от волос, выставляя напоказ золотую серьгу. Их омерзительный несвежий вид был под стать привезшему их фургону.

– Извините, но здесь ставить авто запрещено, – пошел к ним навстречу степенный администратор бара.

– Пошел с дороги, щенок, – сказал один из братьев, отвесив такую оплеуху ему своей жирной большой рукой, что того швырнуло наземь.

– Тоже мне приказчик, сопляк, – усмехнулся второй, сверкая золотым зубом.

Ввалившись в бар, как к себе домой, на пути к стойке они успели задеть своими массивными телами сидевших за столиками посетителей, с некоторыми перебраниться. Никаких порядочных слов и извинений от них не последовало. Вели себя они ничуть не лучше животных в хлеву.

– Ну-ка, браток, опрокинь нам по бокалу ледяного пивца, – пробасил тот, что с золотым зубом.

Залпом, осушив содержимое вместительных бокалов, они заказали еще порцию.

– Что, красотка, вылупилась, будто при родах, – обратился другой из братьев к молодой девушке, с отвращением наблюдавшей за новыми посетителями.

– А может, ты ей понравился, – стал ехидничать громила с золотым зубом в челюсти. – Вдруг эта стерва хочет тебя.

Ее парень, сидевший напротив, встал из-за стола и с решительным видом направился к ним.

– О, малой пошел в оборот, – заржал как кобыла золотозубый.

Не сказав ни слова, парень ударил его кулаком по челюсти. Золотой зуб со звоном покатылся по полу. Смех прекратился, наступила тишина.

– Ах ты, морда, сучонок маленький! Посмел обижать моего брата, – зашипел второй верзила. – Сейчас я выбью из тебя вонючую кучку.

Парень метнул и в его лицо свою руку. Но тот схватил кулак у самого лица в ладонь левой руки, а правой с силой ударил заступника. Вслед за ним, теперь уже, беззубый схватил его и швырнул на улицу. Раздался звон разбитого стекла.

– Не смейте его трогать, выродки! – бросилась на хулиганов обозванная девушка.

В следующий миг она была отброшена на соседний столик, на пол с треском посыпались блюда и фужеры. Хаос охватил помещение бара, несколько минут назад окутывавшее клиентов тишиной и прохладой. Братья выскочили наружу и принялись добивать обескураженного парня. Лица обидчиков исказились в садистской улыбке. Их звериные наклонности высвободились с лихвой. Никто из зрителей жестокой расправы не смел заступиться за едва живого бедолагу. Омерзительные бугаи с животными инстинктами не внушали ничего хорошего. Женщины из бара и прохожие кричали им, с просьбами уgomониться, прийти в себя, образумиться. Кто-то позвонил Миротворцам. Кто-то пытался их пристыдить. Напрасно. Охваченные агонией толстяки ничего не слышали и никого не воспринимали. Кокой-то почтенный седовласый старец, с тщедушным телосложением, подошел к ним и взял одного за руку, пытаясь остановить. В то же мгновение его отшвырнули на проезжую часть. Заскрипели тормоза. Не без посторонней помощи ему удалось подняться. Мотая головой, махнув рукой, он поковылял дальше своей дорогой, держась рукой за поясницу и прихрамывая на ободранную от падения на асфальт ногу. Причитаниям и гаму женщин не было конца. Мужчины же с ленцой в движениях лишь наблюдали за происходившим. Безразличие и равнодушие к чужой беде поражает. А ведь объединись они в группу, им бы удалось связать негодяев в бараний рог! Чего им лезть на рожон из-за совершенно незнакомого юнца. Да и не безопасно это. Вот подспеют Миротворцы, и все будет кончено. Им за это платят, в конце концов. А то, что мужчина изначально является защитником и стражем порядка? Но, к сожалению, настали давно не те времена. В сердцах уже нет геройства и отваги. В душах царят теперь отчуждение и хладнокровие. Эх, многострадальная Россия! Когда же ты окончательно оккупировалась иноверцами?! Ну, так что же?..

Вдруг, как будто из-под земли, возник перед зеваками призрак. В мгновение ока бандиты были разбросаны, а парень, без живого куска на теле, был перенесен в бар.

– Затворник... Что за удаль... – прошелся гул по толпе ротозеев.

Поднявшись, братья с окровавленными лицами увидели выходящую из разбитых дверей бара фигуру в монашеском обличье.

– Это что за образина?

– С каких пор монахи стали мужиками?

И оба, с ревом, рванулись к нему. Едва уловимое движение рук и ног и неприятели опять повержены.

– Он не желает вам зла. Просто остановитесь и убирайтесь восвояси! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Захлебнись... Паскуда... – последовал ответ.

Неугомонные родственники вновь атаковали Зеленого монаха. Прыжок вверх и удары ног. Глухой звук соприкосновений, шелест одежды, стоны. Верзилы распластаны на земле, отхаркиваясь кровью. Их жирные туши помогают им держать удар. Вдали раздалось завывание приближавшихся сирен. Миротворцы поставят точку произошедшим событиям. Затворник, ни секунды не медля, бросился в бар и через задний черный выход скрылся во дворах от взглядов, ошеломленных, свидетелей. Им будет, что рассказать подоспевшим Миротворцам.

К вечеру погода стала меняться. Показавшиеся на горизонте белые облака, по мере приближения превращались в черные тучи. Благодаря конвекции и низкому давлению, складывались все условия для выпадения значительных осадков. Солнце заволкло, после чего подул слабый прохладный ветерок. Горожане с облегчением вздохнули, полной грудью вдыхая свежий воздух. Разомлев от продолжительной жары, они были вялые и неподвижные. Теперь же, приободрившись, люди засуетились, в них вновь появились силы. В течение получаса низко над городом нависли массивные черные тучи, наполненные влагой. Ветер усилился. Назревал нешуточный ливень. Не ожидая такой резкой смены погоды, люди устремились по домам.

Вскоре на улицах стало тихо. Город погрузился в молчаливое ожидание. Отчетливо слышалось дуновение усилившегося ветра, шелест поднимаемого им в воздух мусора, оставленного небрежно людьми. Гулко отзывались быстрые шаги запоздалого пешехода в нависшей тишине. Потемнело, будто наступили сумерки, хотя время было около пяти часов вечера. Окружающая среда находилась в ожидании непогоды.

Сверкнула первая молния. Раскаленные частицы искрами полыхнули над городом, на мгновение, освещая атмосферу вспышкой. словно корявые когти идола тянулись к окнам. Следом громыхнул гром, от которого задребезжали стекла в витринах. Будто зловещий смех того же идола, раскаты грома пронеслись вдаль по небосводу, отражаясь от туч и горных хребтов. Тут же на городок обрушился поток долгожданной воды. Крупные капли дождя жадно впитывались иссохшейся изуродованной трещинами землей. Растения трепетно умывались, кланяясь в знак благодарности снисходительным небесам. Дождь забарабанил по крышам, каждой своей каплей смывая пыль и грязь с их поверхности. Мечта очищалась. Стихия разыгралась не на шутку. Ливень обрушился сплошной стеной, пряча за собой от любопытного взгляда все детали местности.

Не смотря на это, обнаружили личности, которым не сиделось дома. Казалось, сама Природа препятствовала воплощению в жизнь их коварных планов. Однако, их мало что могло остановить в достижении намеченной цели, пусть даже разразится смерч на их пути. Сверкнув фарами, чей свет едва пробивался сквозь сплошную завесу дождя, к большому зданию, изысканному архитектурными новинками, подъехала желтого цвета «Лада приора». Чистая новая блестящая машина утопала в хороводе влаги. Колеса уже наполовину погрузились в ее потоки. Журча, вода стекала вниз по улице, низвергаясь сквозь зарешеченные проемы асфальта в канализацию.

За рулем автомобиля сидел лысый с квадратным лицом и маленькими глазами мужчина. Его необычайно здоровое тело было облачено в спортивный костюм. Рядом находился седо-

власый низкорослый полноватый мужичок в черном смокинге, из под которого проглядывала белая рубашка. Он теребил свой темный галстук-бабочку, выдавая свое нервное напряжение. Его лакированные туфли блестели в унисон мясистому потному лицу. Оставив тяжеловеса за рулем, он с черным кейсом в руке нырнул под зонт, съживаясь от веявшего прохладой ветра. Несколькими секундами позже, остерегаясь луж, он юркнул в дверь банка. Рабочий день в банке близился к концу. Еще каких-то полчаса и двери его закроются, выпроводив последнего клиента. Спустя две-три минуты, из-за угла вышел высокий худощавый смуглый мужчина в одежде электротехника. Прикрываясь сумкой для инструментов от дождя, прыгая через лужи на тротуаре, он быстрой походкой направился к дверям банка.

Клевета

Взрыв прогремел в 5:12 вечера. Миротворцы же прибыли лишь десятью минутами позже. Они недоумевали, почему комиссар не направил их сразу к месту преступления. Он сначала созвал их, сообщил о последствиях случившегося для города, об исключительной важности поимки грабителей и о мерах безопасности. Подъехав к банку, они обнаружили трупы двух охранников, пустой сейф и развороченную взрывом большую дыру там, где недавно размещались входные двери.

След преступников, конечно же, давно простыл. Дождь залил и смыл все улики. Свидетели толком ничего не могли объяснить. Подобный теракт никак не укладывался у них в головах. Ничего подобного они себе не представляли и во снах в этом маленьком мирном городке. Находились под влиянием шока и клиенты банка, и его сотрудники. В этот субботний дождливый вечер никто из них не планировал себе подобной участи. Более того, завеса дождя скрыла от их взглядов направление движения злосчастного автомобиля.

Не отчаиваясь, Миротворцы бросились вдогонку взломщиков. Их машины врассыпную устремились по возможным путям отступления бандитов. Пробиваясь сквозь пелену водопада, нащупывая фарами колею дорог, они, с захлебывающимся воем сирен, отъехали от исходного места преступления. Но все было тщетно. Блюстители порядка только зря тратили время, в своих авто, будто в катерах, плавая в обрушившейся с небес воде. Преступники закона – убийцы и грабители – без помех удалились восвояси. В какой уже раз эта триада безнаказанно вершила свои темные делишки, с подозрительным везением избегая надлежащего наказания. Им покровительствовала вовсе не удача, а некто всемогущий, прибирающий к своим грязным рукам чудо-городок. Опять из-за алчности и цинизма избранных единиц страдала вся серая масса – народ. И это справедливо?!

Виктор Михайлов до боли в глазах пытался пронзить взглядом стену ливневого дождя, заливавшего стекла его машины. «Дворники» едва справлялись со своей работой, кое-как размазывая воду на лобовом стекле. Колеса белой «Нивы» полностью утопали в воде. Словно вездеход в сугробах, она, урча, прокладывала себе путь к пекарне. Инспектор любил сытно поесть. При этом он употреблял изрядную порцию хлеба. Не того белого пушистого и воздушного хлеба, пористого, не содержащего в себе сущности, не хлеба вовсе по содержанию, батона. А настоящего увесистого серого плотного хлеба, вкусного и одновременно сытного. Такой хлеб пекли только в одной пекарне города, куда и держал свой путь Миротворец.

«Да, теперь Мечта вдоволь насытится живительной влагой», – думал он, буквально проплывая по улицам. Внезапно до его слуха донесся звук выстрела. Ага, вот еще один. В нависшей тяжелой атмосфере выстрелы были приглушены, да из-за барабанной дроби дождя мало распознаваемы. Но кто-кто, а инспектор Миротворцев отдавал себе отчет в том, что прозвучали действительно выстрелы из огнестрельного оружия. В его голове судорожно проносились одна за другой мысли о причине подобной ситуации, о приблизительном месте выстрелов, о допущении самой возможности стрельбы... Тут, прервав его умозаключения, раздался взрыв. Именно взрыв, а не раскаты грома.

– Что ж это происходит-то, в самом деле? – охватило инспектора волнение. Он включил рацию. – Всем дежурным машинам, докладывает инспектор Михайлов. В центре города произошла перестрелка и подрыв. Срочно прочесать окрестности в данном районе!

Вжав педаль газа в пол, Виктор направился к тем зданиям, которые попадали под радиус действия прозвучавшего взрыва.

– Всем Миротворцам, немедленно соберитесь в участке для последующих инструкций. Положение критическое! – раздался в переговорном устройстве голос комиссара.

«Э-нет, дружище, уловками опутывай не меня», – процедил сквозь зубы Михайлов, продолжая обследовать улицы. «Что за несуразные приказы», – думал он, пытаясь разглядеть сквозь завесу воды очертания и внешний вид близлежащих зданий государственного назначения. Неожиданно сзади раздался гудок клаксона. В зеркале заднего вида он увидел стремительно приближавшиеся фары автомобиля. Немедленно свернув с дороги, авто инспектора вылетело на тротуар, едва не угодив в стену дома. Мимо на бешеной скорости пронесся желтого цвета автомобиль, словно фонтан, разбрызгивая в обе от себя стороны струи дождевой воды.

Ни секунды не медля, Виктор Михайлов устремился за ним. То, что преследуемая машина новая и на хорошем ходу было очевидно. Инспектор уделял достаточно внимания исправности своей машины, всегда поддерживая ее в отличном состоянии. И не смотря на то, что она была стара, и пробег ее составлял внушительный километраж, в необходимых ситуациях, таких как эта, не подводила. Белая «Нива» мчалась за желтой «Ладой», далеко не отставая. Секундомер показывал скорость 150 км/ч. Езда была неуверенной и нервной из-за плохой видимости и мокрого асфальта на дорогах.

Так некоторое время автомашины петляли по улицам города. Водители проверяли друг друга на мастерство вождения в экстремальных условиях.

– Я никак не могу оторваться от этого ублюдка, – констатировал факт Денис.

– Чую нутром это миряга, – сделал вывод Руслан.

– Давай жми из города, эта мелкая сошка не должна нас волновать, – произнес Николай. – Будет необходимо, кончим его по дороге.

Выехав из города, они помчались по пустынной дороге, по обе стороны которой раскинулись цветущие поля. Едва город исчез позади, как преследуемые открыли огонь. Виктор Михайлов услышал хлопок пробитой шины, затем треск рассыпавшегося стекла и ощутил толчок в плечо, после чего его левую руку пронзила острая боль. «Нива» потеряла управление и пошла юзом, скрежеща шинами. Сорвавшись с дороги, машина вылетела в поле. Инспектору кое-как удалось остановить машину, вдавив педаль тормоза до отказа в пол, и крутя руль одной здоровой рукой. За ней тянулся черный след пропаханной земли и загубленных побегов растений. Через несколько секунд к обочине подъехал желтый автомобиль. Из него вышли три мужчины и, не взирая на ливень и грязь под ногами, направились к преследователю.

– Его здесь нет, – удивился маленький и толстый. Но еще больше он удивился, когда получил мощный удар в челюсть.

«Какая нелепость», – мелькнуло у него в голове, когда он рухнул в грязь.

Пробитое пулей плечо сильно болело и кровоточило, а потому Михайлов оборонялся только правой рукой. Уложив пузатого, он повернулся к худощавому со смуглой кожей. Тот выкинул ему в лицо свой левый кулак. Виктор нырнул и после того, как рука неприятеля просвистела над головой, нанес ответный удар по почкам, затем в подбородок. Противник, по видимому, умевший держать удар, проигнорировал их и в свою очередь ответил боковым ударом левой руки в голову и правой снизу в живот. Инспектор ощутил боль в ухе и почувствовал давление в животе и позывы к рвоте. Но медлить было нельзя. Тем более косой дождь хлестал в лицо боксера. От этого ему приходилось часто дергать головой, стряхивая с глаз капли воды. Уловив подобный момент, Миротворец, уклонившись от очередного удара, сгруппировался и вложился в свой апперкот в подбородок неприятеля и тут же нанес ему наотмашь удар сбоку в челюсть. Его голова откинулась, еще удар и он тоже сляжет. Но удар получил сам Виктор. Сложилось впечатление, что на спину обрушился телеграфный столб. Не успев придти в себя, он вновь почувствовал на своей спине сокрушительной силы удар, который подкосил его ноги.

Тело Михайлова опустилось, встав на колени. Только тут он увидел вышедшего из-за спина титана, кулачища которого были размером с двухпудовую гирию. Великан встал на изготовку для удара ногой. Боксер, отошедший от взбучки, обхватил сзади инспектора за шею, лишая его возможности двигаться.

Виктор находился в полубессознательном состоянии: глаза заливал дождь, окровавленное и ноющее плечо пульсировало в такт сердцебиению, голова раскалывалась от боли, низ живота распирало, через сдавленное горло плохо поступал в легкие кислород. В свете фар его машины он разглядел фигуру пузатого мужчины. Наконец очнувшись, тот оглядывал свой фирменный костюм, залитый дождем и выпачканный в грязи.

– Надо порешить эту сволочь, – прохрипел он, вытирая чистым носовым платком лицо. – Денис, подай-ка мне ствол.

Великан, отменив затею с ударом ногой, протянул ему свое увесистое крупнокалиберное оружие. Худощавый разжал хватку и отошел в сторону, чтобы и его не задела пуля-дура.

– Ну что, герой, извини, коль, что не так, – и карапуз снял с предохранителя пистолет.

Виктор Михайлов держался из последних сил, чтобы не потерять сознание. Он смотрел прямо в лицо карателю и усмехался. Ему было стыдно показывать этим отщепенцам свой страх. Он не боялся ни их, ни смерти, которую они уготовили ему в этот проливной дождливый вечер. Миротворец, конечно, не так рассчитывал окончить свою жизненную стезю. Но, если ему предначертано судьбой погибнуть вот так – тут уж ничего не попишешь. А сколько у него имелось планов на будущее. Видимо, так тому и быть. Как это часто бывает, человек не ценит жизнь, пока не подкрадетс кончина. Все чего-то желают. Все к чему-то стремятся. Для полного счастья всегда чего-то не хватает. А ведь вот оно. Счастье – просыпаться каждое утро в теплой уютной постели, в своем доме, в окружении родных. Счастье – проживать каждый день, один за другим, наполненный эмоциями, свершениями, радостью и печалью... Счастье – жить. Жить и умереть в преклонном возрасте, своей смертью, готовым к ее приходу. Воплотив все планы в жизнь, завершив все начинания, став опустошенным и умиротворенным... «Вот и тьма сгущается», – подумал он.

Вдруг, на этом бескрайнем и безлюдном пространстве, заглушая шум дождя, пронзая нависшую тяжесть атмосферы, раздался заунывный, леденящий душу, раскатистый рев. Вздрогнув от неожиданности, Николай выстрелил не прицелившись. Пуля просвистела в миллиметре от левого уха Миротворца. Изнеможенный он упал ничком в грязь. «Зверей мне как раз и не хватало... это уж слишком...», – мелькнула последняя мысль в его угасающем сознании. Убийца во второй раз направил дуло пистолета в голову лежавшего у его ног инспектора. Снова округу огласил этот раздирающий глотку рев. Рев какого-то обезумевшего свирепого большого зверя.

– Вот дьявол, что еще за страсти, – заволновался Николай.

– Что бы это ни было, оно несется сюда, на запах крови. И теперь уже гораздо ближе, – стал нервничать Руслан. – Гребем отсюда, – и все трое бросились к своей машине.

– Эта тварь доделает мирягу, чтобы она подавилась, – уверил Денис, на ходу прыгая за руль.

Затворник мчался со скоростью, на которую были способны не все спринтеры. Дождь хлестал по маске на лице, срывал капюшон, ноги скользили по мокрому асфальту. Мокрый отяжелевший балахон осложнял движение. Его кредо было оказывать помощь всем людям, которые в ней нуждались. И это у него, по большей части, получалось не плохо. Но сейчас, когда его помощь особенно востребована, он чувствовал, что опаздывает. Здорово опаздывает.

Зеленый монах приобрел радиоприемник, настроенный на частоту Миротворцев. Так он узнавал обо всех нарушениях закона и, зачастую, раньше блюстителей порядка попевал на место происшествия. Вот и теперь услышав голос инспектора, делавшего наводку на центр города, он стремглав направился туда. Разыгравшаяся не на шутку стихия причиняла большие неудобства. Несколько раз Спаситель чуть было не убили, соскальзывая с деревьев, заборов и крыш домов, спотыкаясь о предметы скрытые под потоками воды.

Только он добрался до центра города, как обнаружил мелькнувшую за углом машину инспектора, преследовавшую другую. Понимая, что за ними не угнаться, Затворник решил выследить их конечный пункт назначения. Забравшись, через внутренние лестницы, на крышу ближайшего высотного дома, он стал исследовать взглядом кварталы города. Не трудно было определить местоположение гонщиков. Сквозь завесу водопада их фары, пытаясь пробить себе брешь, светили словно свечи, подергиваясь при каждом вираже. Петляя некоторое время по улочкам, они выехали на магистраль, ведущую из города в ближайший населенный пункт.

Шестое чувство подсказывало герою, что добром это преследование не кончится, а коллеги инспектора не скоро подоспеют на помощь. Не долго думая, он кинулся вдогонку. Чувство собственной беспомощности, назревавшая злоба от этого на душе, боль в сердце от осознания неизбежной беды – душили спазмами его горло. Немного погодя он покинул пределы города, продолжая путь наперекор непогоде. От досады он закричал во всю глотку. Закричал так, как научился этому делу в схватках со зверьми в лесу. Едва захлебнулись отзвуки крика за стеной водопада, на противоположной стороне полей, как мрачный размеренный шум дождя пронзил новый звук, звук выстрела. Рванув бежать еще быстрее, Зеленый монах поскользнулся и упал. Сделав пару кувырков, он продолжил свой бег. Если бы не это ненастье, так сковывавшее движения бегуна...

Вскоре он заметил впереди слабый свет. Чувство тревоги охватило его. Что побудило издать еще раз душеспипательный крик. Словно раскаты грома, крик отразился от нависших черных туч и покатился вдаль по окрестности. Добравшись, наконец, до конечной точки своего пути, Затворник обнаружил неподвижное тело Виктора Михайлова, лежавшее в луже грязи и воды, заливаемое сверху осадками...

Спаситель гнал прочь от себя мысли о худшем. Инспектор должен жить. Ему надлежит в скором будущем возглавить отряд Миротворцев города. Иначе не видать горожанам покоя и процветания. Тело Михайлова покоилось на заднем сиденье. Зеленый монах выжимал из его белой машины все возможное в тех условиях. Лобовое стекло было разбито, и ливень заливал напрочь вымокшего героя. Пробитое спущенное колесо все норовило выбросить автомобиль с дороги и перевернуть его вверх дном. Вцепившись руками в баранку, стараясь удержать авто в колее дороги, водитель неумолимо приближался к городу. Мимо, слепя фарами и оглушая воем сирен, промчались четыре машины Миротворцев в надежде нагнать террористов. Последние две машины, лихо, развернувшись на 180 градусов, последовали за автомобилем инспектора.

Десять минут спустя, к больнице Мечты подъехал эскорт. При виде Затворника с телом инспектора в руках медперсонал поспешил к ним. Миротворец бережно и аккуратно положил Миротворца на каталку и указал на него пальцем, окидывая своим невидимым взглядом медиков.

– Мы сделаем все, что от нас зависит, – заверил его главный хирург, уже отдавая распоряжения подопечным. Тело Виктора увезли в операционную.

Спаситель, кивнув головой в знак одобрения, нырнул в окно и был таков. «Сегодняшняя ночь решит все», – думал он, убегая дворами. Его силуэт растворился за стеной дождя.

Дождь продолжал лить как из ведра. Горожане не имели представления о случившейся веренице событий в этот вечер. Казалось, что небо не зря проливает горемычные слезы. Неизвестно, какие сюрпризы преподнесет завтрашний день.

Ливень, шедший всю ночь, к утру угомонился. Теперь моросил слабый дождь. Утро было светлое. Над городом висели белые тучи. Капельки воды стекали с крыш домов, с листы деревьев, с высоковольтных линий. Капель наводила дремоту на жителей города. Сам город стал чист и свеж, смыв с себя всю грязь и уныние. Прохладный свежий воздух вселял оптимизм в души безнадежных романтиков. Взъерошившись, в лужах плескались воробьи. Иные беззаботно порхали туда-сюда, весело и громко чирикавая. К десяти часам дня небо прекратило свои страдания, и на Мечту опустился туман, окутав его белыми клубами насыщенного водяного пара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.